

Под редакцией Н.А. Мошеловой

Вклад Г.Я. Ходакова в культурное наследие
Верхневолжья : материалы круглого стола / под ред.
Н.А. Мошеловой ; Центральная городская библиотека
им. А.И. Герцена. – Тверь, 2009. – 102 с.

Коллектив авторов, 2009

Предисловие

В июне 2011 года исполнится 110 лет со дня рождения Георгия Яковлевича Ходакова – гражданина в самом всеохватывающем смысле этого слова. Родившись в Москве, он жил во многих городах России, но закончил свой путь в нашем городе. Педагог по образованию, Георгий Яковлевич совмещал просветительскую деятельность с лекторской, занимался изучением истории тверского края, тверских мест, связанных с именами известных русских классиков – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского и др. Его активная деятельность в изыскании творчества А.С. Пушкина на тверской земле увенчалась организацией ежегодных пушкинских чтений и созданием на Старицкой земле музея поэта.

Исследованием жизни и деятельности самого Георгия Яковлевича занимаются его сыновья – Феликс Георгиевич и Владимир Георгиевич Ходаковы. Мы собрали за круглым столом тех, кто знал Георгия Яковлевича лично и знаком с его работами.

Георгий Яковлевич Ходаков – исследователь прошлого Ржевского района

*Олег Александрович Кондратьев, старший
научный сотрудник Ржевского филиала
Тверского государственного объединенного музея*

Заметный след в Ржевском краеведении оставил Георгий Яковлевич Ходаков. Его интерес к истории Ржевского края не иссякал никогда. Г.Я. Ходаковым было написано немало статей, собрано значительное количество документов. К огромному сожалению, не все они дошли до широких масс ржевитян.

Одной из первых солидных краеведческих работ Георгия Яковлевича стала статья «Ржевская группа РСДРП в 1905 году» (сборник «Ржев в 1905»). Эта книга была издана Ржевским укомом ВКП(б) в 1925 году. Г.Я. Ходаков в своей статье подробно и обстоятельно осветил революционную деятельность Ржевских большевиков, рассказал о работе подпольной типографии в Ржеве. Позднее сведения, изложенные Г.Я. Ходаковым, не раз широко использовались при написании статей и книг по Ржевской истории, правда, чаще всего – без ссылок на автора.

В предвоенные годы краевед Г.Я. Ходаков часто писал статьи для газеты «Ржевская правда». Многие из них были посвящены теме «А.С. Пушкин и Тверской край». В октябре 1936 года в «Ржевской правде» была опубликована его статья «Был ли Гоголь в Ржеве?». В этом исследовании краевед рассмотрел большинство свидетельств об отношениях великого русского писателя и священника Матвея Константиновского. Г.Я. Ходаков допустил возможность приезда Н.В. Гоголя в

Ржев, во всяком случае он отмечал, что ржевские краеведы С.Л. Бычинский и Б.И. Абрамов уже сфотографировали дом № 31 по Кооперативной улице, в котором якобы и жил писатель во время пребывания в Ржеве.

Ещё шла война, едва был освобождён Ржев, а уже в 1944 году в «Ржевской правде» появляются статьи Г.Я. Ходакова (11, 16, 20, 27 февраля) «Из истории Ржева». В этих исторических очерках рассказывалось и о ранней истории края, и о знаменитых людях, и о событиях XX века.

В городском краеведческом музее хранится немало документов, подготовленных Георгием Яковлевичем. Так, в папке «Ржевские люди» [РКМ (НА) № 21] хранятся материалы о строительстве моста, о предприятиях дореволюционного города, о купцах. Здесь же – сведения о комсомольцах – участниках Гражданской войны, о подпольщиках группы Телешева.

Эти же и другие материалы в фонде РКМ (НА) № 33. Имеются также заметки Г.Я. Ходакова по теме «Октябрь в Ржеве».

В музее хранятся и библиографические материалы, подготовленные Г.Я. Ходаковым. [РКМ (НА) № 89, РКМ (НА) № 96]. Это выписки из газет «Трудовая мысль», «Известия Ржевского Совета», «Ржевская коммуна».

Идут годы. Становятся известны новые факты Ржевской истории, в архивах удаётся обнаружить новые документы. Поэтому некоторые выводы Г.Я. Ходакова о прошлом Ржевского края пересматриваются. Но нет сомнений, что краеведческие труды нашего земляка постоянно будут востребованы.

* * * * *

Георгий Яковлевич Ходаков как краевед-пушкинист¹

*Михаил Викторович Строганов,
доктор филологических наук, профессор ТвГУ,
заведующий кафедрой истории русской литературы
«Заслуженный работник высшей школы РФ»*

Сам Г.Я. Ходаков считал себя в первую очередь учителем. Но, к сожалению, память на учителей в нашем обществе слаба. И хотя он был, как можно судить по сохранившимся воспоминаниям и документам, выдающимся учителем, эта сторона его деятельности известна недостаточно. Он был поэтом, публицистом, разносторонним краеведом, но все эти стороны его работы известны еще менее. И гораздо больше Г.Я. Ходаков известен в связи с именем Пушкина. Причина такой известности, конечно, не столько в том, что в тверской пушкиниане он сделал больше, чем в других областях культуры, а в том, что сам Пушкин

---

¹ Настоящее исследование входит в круг изучения тверской краеведческой пушкинистики, которой мы посвятили несколько работ: *Строганов М.* О пушкинском выпуске журнала «Тверская старина» // Караван + (Тверь). 1999. № 61. 18 августа. С. 8—9; *Строганов М. В.* Из истории тверского пушкиноведения. С. А. Фессалоницкий // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции. Тверь — Торжок. 23—24 декабря 2005 г. Торжок: ВИЭМ, 2005. С. 141—147; *Строганов М. В.* Из истории тверского пушкиноведения. С. А. Фессалоницкий // Из истории филологии: Сборник статей и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2006. С. 117—127; *Строганов М. В.* Главный тверской миф о Пушкине, или Пушкинское кольцо Верхневолжья // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 2. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 161—169.

занимает в нашей культуре, как известно, центральное место, место «нашего всего»². Всё, что соприкасается с именем Пушкина, поднимается в глазах общественности на недостижимую высоту и приобретает сакральный характер. Вместе с тем я буду все-таки говорить о Г.Я. Ходакове как краеведе, занимавшимся пушкинской темой, потому что вижу именно в этом повороте исключительно актуальные для современного краеведения аспекты³.

Как известно, сам факт пребывания Пушкина на Тверской земле долгое время оставался вне поля зрения исследователей творчества Пушкина. По-настоящему сборником материалов по этой теме занялись петербургские и тверские историки и пушкинисты в самом

---

² См. об этом: *Строганов М. В.* «Наше всё». Причины и предпосылки формирования мифа о Пушкине // Искусство поэтики — искусство поэзии: К 70-летию И. В. Фоменко. Сборник научных трудов. Тверь: Лилия Принт, 2007. С. 418—428; *Строганов М. В.* «Наше всё»: Предпосылки и причины формирования мифа о Пушкине // Литература. 2009. № 11. 1—15 июня. С. 26—33.

³ Вообще тема эта не нова, но в публикациях последнего времени аналитическое начало уступает эмоционально-публицистическому, что и не удивительно, поскольку они принадлежат сыну Г. Я. Ходакова — Ф. Г. Ходакову: *Ходаков Феликс*. Пушкиниана Георгия Ходакова // Вече Твери. 2008. 30 мая. С. 18; *Ходаков Феликс*. Пушкинскими дорогами... Неизвестные страницы истории пушкинских экспедиций // Тверской курьер. 2009. 27 февраля. С. 12; *Ходаков Ф. Г.* Я. Ходаков — исследователь, краевед, пушкинист // Тверская старина. 2009. № 29. С. 113—128.

С любезного разрешения Ф. Г. Ходакова, которому я рад выразить свою признательность, я использую собранные им материалы к личной и творческой биографии Г. Я. Ходакова. Частично эти материалы приходится повторять, однако это необходимо для связного изложения событий. Если при цитировании отдельных мемуарных и документальных источников я не указываю на место их хранения, это значит, что они находятся в домашнем архиве Ф. Г. Ходакова.

конце XIX — начале XX в. Их работа носила по преимуществу собирательский характер, но зато собирали они и многочисленный, и очень ценный материал. Второй этап в изучении темы наступил вскоре после 1917 г. и связан с именем А.Н. Вершинского и его ученика С.А. Фессалоницкого, автора немногих, но значительных публикаций, посвященных теме «Пушкин и Тверской край»⁴. Этот второй этап, судя по фрагментам не сохранившейся в целом виде дипломной работы С.А. Фессалоницкого, обещал быть весьма плодотворным, но он был искусственно прерван репрессивными мерами партии большевиков против краеведческого движения в стране в целом. И именно на это время падает начало творческой деятельности Г.Я. Ходакова, и поэтому ясно, что эта творческая деятельность проходила в страшно тяжелых условиях и не могла иметь быстрого и эффектного результата. Более того, сознание людей, воспитанных на волне революционного подъема, было поневоле искажено господствующей идеологией, что не могло привести к продуктивным решениям.

Вообще следует признать, что Г.Я. Ходаков был достаточно основательно подготовлен к занятиям пуш-

---

⁴ См.: *Фессалоницкий С. А.* Уголок Пушкина в Старицком у. в 1923 г. // *Материалы Общества изучения Тверского края.* Тверь, 1925. Апрель. Вып. 3. С. 22—23; *Фессалоницкий С. А.* Пушкин в кругу старицких дворян // *Материалы Общества изучения Тверского края / Под ред. А. Н. Вершинского и К. И. Никольского.* 1928. Апрель. Вып. 6. С. 3—26; *Фессалоницкий С.* Пушкин и Лажечников // *Пролетарская правда (Калинин).* 1936. 9 сентября. С. 3; *Фессалоницкий С. А.* Из рассказов о Пушкине и его современниках // *В наши дни.* Калинин, 1936. № 2. С. 89—90; *Понафидина А. Н.* Воспоминания / <Подготовка текста и примечания С. А. Фессалоницкого> // *В наши дни.* Калинин, 1936. № 2. С. 91—99.

кинской темой. Осенью 1933 г. он поступает в аспирантуру на лингвистическое отделение АЛИЯ (Ленинград), где обучается два года. С 1934 по 1936 г. он состоял аспирантом Государственной академии искусствознания, а потом был переведен в аспирантуру Ленинградского государственного университета в связи с реорганизацией академии в Институт театра и музыки. В аспирантуре он работал над диссертацией «Литературные гнезда Тверской губернии 1800—1936 годов», но не завершил ее. Закончив аспирантуру в июне 1938 г., Г.Я. Ходаков поступает в Государственный литературный музей (Москва), но в 1939 г. возвращается в Ржев на политработу на железной дороге. Вот как он писал об этом в одном из позднейших документов, 12 мая 1946 г., секретарю ЦК ВКП(б), А.А. Жданову: «В самом деле: я кончил Московский университет, позже аспирантуру при филологическом факультете Ленинградского университета, но не защитил диссертации, увлекался партийной пропагандой, вкладывая в нее всю страстность моего темперамента». Но иначе быть и не могло: защитить диссертацию с таким названием в 1930-е гг., будучи убежденным в справедливости существующего строя, совместить в едином сознании эти две противоборствующие тенденции нельзя. Сама концепция «культурных гнезд» сложилась в русской гуманитаристике и филологии еще в дореволюционный период (в период расцвета русского земства) и ярче всего она проявила себя в работах создателя самого этого термина — Н.К. Пиксанова⁵. Это концепция была связана с развитием краевого, местного самосознания, с развитием краеведения. В тоталитарном государстве, каким была тогдашняя Советская Россия, краеведение

---

⁵ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М., 1928.

подлежало отмене и запрещению. Диссертация Г.Я. Ходакова не состоялась.

Первая пушкинская экспедиция Г. Я. Ходакова состоялась в 1936 г., в канун столетия со дня смерти Пушкина. Она прошла в рамках общегосударственной акции по празднованию 100-летию со дня смерти поэта. 29 ноября Г. Я. Ходаков сообщил в статье, помещенной в ржевской газете о создании комитета и о многочисленных мероприятиях в учебных и культурных заведениях: «Каждое предприятие, школа, учреждение, сельсовет должны создать свои местные комиссии по подготовке и проведению юбилея и начать плодотворную работу.

В ближайшие дни комитетом созывается районное совещание с участием всех председателей комиссий, которое выявит картину подготовки к юбилею в районе.

Подготовка к юбилею должна проходить на высоком культурном уровне, соответствующем престижу страны, имеющей новую сталинскую Конституцию»⁶.

Одним из этих мероприятий и была экспедиция, которая состоялась с 30 ноября по 6 декабря. Участниками экспедиции были двое человек: директор ржевского музея Сергей Леонидович Бычинский и сам Г.Я. Ходаков. Краткий отчет о поездке был опубликован в газете 8 декабря, где, в частности, сообщалось, что в барском доме Курово-Покровском была «установлена комната, в которой останавливался Пушкин, и восстановлена примерная ее обстановка. В этой комнате 1 декабря было проведено собрание, посвященное докладу товарища Сталина о Конституции на Съезде Советов.

---

⁶ Г. Х. Пушкинский комитет приступил к работе // Ржевская правда. 1936. 29 ноября.

Кроме того, обнаружена комната Пушкина в Берновском доме (ныне НСШ) во II-м этаже — 5 класс „б“ с сохранившимся от того времени камином»⁷. И уже в этой заметке сообщалось о предложении создать Пушкинский заповедник.

Более обстоятельный отчет был опубликован в самом конце месяца. Как можно понять, участники поездки выехали из Ржева поездом и вышли на станции Высокое, бывшей в то время центром района. 1 декабря экспедиция посетила Большое Глинкино (ныне Глинкино), где осмотрела не только дом помещиков Ртищевых, доживший и до наших дней, но и каменный дом помещиков Лошаковых «с уже измененным фасадом», которого мы никогда не увидим. Потом была поездка в Курово-Покровское и близлежащее сельцо Васильки, принадлежавшее в пушкинское время помещикам Миллерам. Такое перечисление населенных пунктов говорит о том, что Бычинский и Ходаков по дороге из Глинкина проехали деревню Щелкачево и, не доезжая до Бернова, свернули на Курово. 2 декабря были осмотрены село Берново и сельцо Соколово (усадьба Петра Ивановича Вульфа), причем оценка положения дел в Бернове весьма критическая. В Малинниках Бычинский и Ходаков провели 3, 4 и первую половину 5 декабря, осмотрев заодно деревню Глазуново (принадлежала в разное время разным членам семьи Вульфов) и сельцо Марицыно (усадьба Вельяшевых). Трудно сказать, посетили ли они Павловское, однако они, говоря их словами, «провели решение» «об объявлении района Малинники-Павловское Пушкинским заповедником». В другом месте статьи говорится о «развертывании в Малинниках

---

⁷ Г. Х. Экспедиция в пушкинские места // Ржевская правда. 1936. 8 декабря.

и Бернове работ по созданию здесь Пушкинского заповедника — второго после Михайловского»⁸. К статье приложены две фотографии: «Пушкинская горка в бывшем имении Курово-Покровское. Здесь любил бывать поэт» и «Комната, в которой останавливался Пушкин в бывшем имении Курово-Покровское (ныне трансхоз). Слева — место кровати. Против окна стоял круглый стол. Мебель была красного дерева». Стоит пожалеть, что этот отчет не занял достойного места в нашей краеведческой литературе. Конечно, он носит следы своего времени, но в нем зафиксированы и многие важные детали, которые не сохранились до нашего времени.

Еще более жаль, что вовремя не были опубликованы, а потом также оставались в забвении рисунки из альбома С.Л. Бычинского, сделанные во время экспедиции 1936 г. (13 рисунков). Эти рисунки как комплект никогда не воспроизводились и не описывались в печати. Опись их сделал сам Г. Я. Ходаков при передаче рисунков в музей (12 июля 1971 г.). Прежде всего, это изображения барских усадеб и ландшафты, которые к настоящему времени в большинстве не сохранились, поэтому многие из них имеют значение первоисточников. Перечислим их: дом Ртищевых в с-це Старое Глинкино (ныне Глинкино), 30.11.1936 (лист 3);

---

⁸ Б. п. В пушкинских местах // Ржевская правда. 1936. 31 декабря. Хотя статья не подписана, однако в примечании сказано, что «материалы по пушкинским местам собраны С. Л. Бычинским и Г. Я. Ходаковым».

Информация об этой инициативе появилась и в областной прессе: «Ржевский пушкинский комитет обратился с ходатайством в областной пушкинский комитет о том, чтобы местечко Берново-Малинники, где бывал А. С. Пушкин, объявить Пушкинским заповедником» (Б. п. Большая подготовка в Ржеве // Пролетарская правда (Калинин). 1937. 3 февраля).

дом Миллеров в с-це Васильках между Курово-Покровским и Коробиным (лист 4); липовая аллея в усадьбе Малинники, 6 лип (лист 6); берег реки Тьмы и старого омута с «пушкинской» сосной, 5.12.1936 (лист 7); план-схема расположения мельницы и старого омута, нового («левитановского») омута, по замечанию С. Л. Бычинского, в 1936 г. «от мельниц и следов не осталось», обоих омутов тоже не было (лист 8); барский дом без подписи (лист 9); дом Вельяшевых в Марицыне со стороны Тьмы, 2.12.1936 (лист 10); надгробие на могиле около берновской церкви, на которой можно прочесть текст: «Николенька Калинов, род. 1810 год. Сент. 20 дня, скончался 1817 г. апреля 15 дня» (лист 11); дома в Курове-Покровском (лист 12); дом в усадьбе Марицыно с мысленно реконструированными элементами фасада (лист 13). Эвристическое значение этих набросков огромно и вполне еще не оценено в краеведческой и музейной практике.

Следует заметить, что сам Г.Я. Ходаков долгое время, видимо, не придавал этим рисункам должного значения. К тому же он многое забыл из своей первой пушкинской экспедиции, и когда через почти 30 лет рассказывал о ней, он акцентировал такие моменты, которых вовсе не было в его «синхронном» отчете. Новая статья Г.Я. Ходакова об этой поездке появилась в печати в 1965 г.⁹, но мы воспользуемся черновым вариантом ее, где некоторые детали изложены более подробно:

«В тот год нам удалось посетить многие еще сохранившиеся усадьбы, зарисовать несколько зданий с ампириными деревянными колоннами, встретиться с некоторыми представителями семейства Вульф, запи-

---

⁹ Ходаков Г. Пушкинские места под Ржевом // Ржевская правда. 1965. 10 марта.

сать много воспоминаний и легенд. Тогда мы подробно изучили историю старого омута на Тьме, возле которого еще цела была старая мельница. По рассказам стариков, в нем утопилась дочь старого мельника, соблазненная якобы лакеем местного помещика. Несколько выше этого омута находится второй, увековеченный в картине Левитана. Еще выше, на правом (более высоком) берегу Тьмы, из леса выдавался фасад дома в имении Маричино, принадлежавшем старицкому исправнику Вельяшеву, за дочерью которого, Катей Вельяшевой, ухаживал поэт. Этот эпизод из его биографии отразился в строках:

Друг милый, предадимся бегу
Золотогривого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Добавлю только, что Пушкин тогда жил в Малинниках на другом берегу Тьмы, и оттуда до Маричина на другом берегу мимо „кривых берез“ было не более двух километров. Это была очень приятная и живописная дорога. Эти места должны быть особенно изучены и запечатлены.

Очень любопытны следы „Дубровского“. Они связаны с именем одного из крупных местных помещиков П. Полторацкого, отца А.П. Керн. Отец Анны Петровны был человеком крутого нрава. Против воли дочери он отдал ее замуж, когда ей было всего 17 лет, за старого генерала Керн.

В отдаленном селе Климово, где проходила граница его владений, старики вспоминали о крутом нраве барина, расправлявшегося с бедными помещи-

ками, не говоря уже о крестьянах. Запись воспоминаний в Климове и окружающих деревнях следует продолжить».

Здесь следует остановиться и указать, что деревня (не село) Климово находится на расстоянии всего лишь двух километров от Марицына (Мариничей, Маричина)¹⁰. К сожалению, никаких записей народных преданий в этой местности в более позднее время сделано не было.

Г.Я. Ходаков продолжает: «Известно здесь и существование пустоши *Кистеневки*, история названия которой не была нами тогда раскрыта. Фамилия одного из героев повести, по моему глубокому убеждению, представляет собой удвоение фамилии *Полторацкого* (трое), соединенное с названием одного из имений *Курово*. Таково происхождение фамилии *Троекуров*.

Пушкин в завуалированной форме рассказал о трагедии женщины, воспетой им в Михайловском в известном стихотворении, и заклеил жестокого отца и помещика в образе Гаврилы Романовича Троекурова (Полторацкого). Черновые наброски этого произведения и основной его замысел относится к 1827—<18>29 гг. Позже он мог быть разработан и обогащен, но истоки его находятся в Берновщине».

Местонахождение пустоши Кистеневки в настоящее время неизвестно. Между тем установить, был ли такой объект на территории Старицкого уезда, крайне важно, поскольку для дальнейших построений самого Г.Я. Ходакова это имеет очень большое значение. Я очень сомневаюсь, что экспедиция 1936 г. искала и нашла этот объект, потому что никаких откликов на это открытие в свое время сделано не было. Показания 1965 г. трудно верифицировать, так как, по

---

¹⁰ См.: Карта Менде. F3-1-4.

словам самого Г.Я. Ходакова, его «записи погИБли». Далее он выражал «надежду, что записи С.Л. Бычинского уцелели. Их нужно расшифровать и сделать достоянием широкого круга читателей». Но записи С.Л. Бычинского тем более не обнаружены.

Летом 1949 г. Г.Я. Ходаков совершил вторую экспедицию в пушкинские места Старицкого уезда, но о ней мы знаем только из той же статьи 1965 г.: «Моим спутником на этот раз был очень хороший фотограф, старый член партии (ныне покойный) А.И. Баранов. Он сделал здесь более ста снимков пушкинских мест. К сожалению, составленный по этим увеличенным фотографиям интересный альбом, утрачен. <...>

Вторая экспедиция проводилась краеведами Итомлинской средней школы, расположенной всего в 25 километрах от Берновщины. Думаю, что такие организации, как музей, редакция „Ржевской правды“ и Итомлинская средняя школа (а может быть, и другие) заинтересуются идеей серьезного изучения исторических богатств: мест, находящихся у нас под боком, и проявят должную инициативу в снаряжении и организации новой экспедиции». К сожалению, события личной жизни Г.Я. Ходакова не способствовали сохранению той информации, которую он собрал в процессе этой экспедиции (да и других своих предприятий).

Летом 1965 г. Г.Я. Ходаков обратился к директору областного музея Е. И. Новосельцеву и к начальнику архивного отдела при Калининском облисполкоме М.А. Ильину с предложением об организации незамедлительной экспедиции в берновские места. Как можно судить по имеющимся воспоминаниям, поддержки в официальных структурах эта инициатива не имела, и в экспедиции участвовали заинтересованные лица.

Вот воспоминания об этой экспедиции бывшей заведующей краеведческим отделом, заместителя директора Областной библиотеки им. А.М. Горького Нины Александровны Фадеевой: «Он стал навещать нас в областную библиотеку в краеведческий отдел в 1965 году. Был одинокий, не женат. Тогда этим — пушкинской темой в Тверском крае — у нас никто не занимался. Он всё рассказывал и рассказывал о пушкинских местах.

Мы втроем в том же 1965 году впервые с ним поехали на машине в Берново и там ночевали ночь или две у Серафимы Павловны Орловой. Георгий Яковлевич знал хорошо и раньше эти места, прекрасно ориентировался на месте, водил и показывал.

Ничего не было такого, никаких указателей в Малинниках, только остатки дома, кусты сирени. Часовня не была еще установлена. Он показывал омут, выходили мы на Тьму. В Павловское не попали. Мы подъезжали, но там было запущено, заросло, не было никаких дорог. Мы бродили, он нам показывал дома, остатки фундаментов. На кладбище в Берново было заброшено и дико. Мы были в первый раз там. Пруд был заброшен...

Он, Георгий Яковлевич, был как открытием для нас. Он всё знал, вместе с С.П. Орловой, и всё вокруг было для нас открытием. Он был, пожалуй, первым, и именно начиная с Ходакова, мы все начали серьезно заниматься темой „Пушкин и Тверской край“.

После этого по нашей инициативе краеведческий отдел стал собирать всю библиографию о Пушкине в Тверском крае и всё на эту тему. Мы поехали и начали собирать материалы, отыскивать и разыскивать всевозможные факты и свидетельства.

Я читала лекции „Пушкин в Тверском крае“ во многих местах, заведениях, концертах и встречах и даже в филармонии рассказывала в музыкальном сопровождении.

Для нас, для сотрудников областной библиотеки, он был основоположником возрождения темы „Пушкин и Тверской край“. Часто бывало, мы с ним ругались не на жизнь, а насмерть. Ведь он такой вспыльчивый, эмоциональный, очень яркий! Но никогда зла не помнил, и мы никогда не держали зла друг на друга. Так мы с ним ездили. Он показал всё, всё, всё, когда и нога человека там не ступала. Всё было дико, мы всё видели в первозданном виде. И тропинок-то никаких не было».

По результатам работы этой экспедиции Г.Я. Ходаков составил статьи для «Калининской правды» и докладную записку в управление культуры Калининской области, в которой он предложил превратить берновские места в Пушкинский заповедник. В поддержку этого предложения о создании Пушкинского заповедника был составлен совместный документ от лица директора областного музея Новосельцева и заведующего архивным отделом М.А. Ильина, отправленный 30 сентября 1965 г. начальнику управления культуры области А.И. Моисееву. Однако на подготовленных для двух подписей местах стоит только одна подпись — исполняющего обязанности директора музея, подписи М.А. Ильина нет¹¹. Между тем 25 декабря 1965 г. берновские места были включены в список «основных памятников истории и культуры, имеющих общегосударственное значение, заслуживающих особой охраны и популяризации»¹².

---

¹¹ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

¹² Там же. Ед. хр. 4.

Но программа деятельности Калининского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), предложенная Г.Я. Ходаковым еще до официального открытия этой организации, как следует из его писем к М.А. Ильину, не была поддержана. Вот письмо от апреля 1966 г.: «Каковы бы ни были попытки тем не менее (института в том числе) помешать мне, моей работе, я продолжу ее по моему плану и по своей инициативе, не адресуясь больше ни в одно казенное учреждение, в том числе в общество».

Вот фрагмент из другого письма, от 27 мая 1966 г.: «Я представлял себе (и представляю) деятельность Общества как *активизацию общественных сил*. Должна была бы возобновиться в полной мере практика регулярных заседаний совета или другого органа при нем, на котором заслушивались бы сообщения о подготовленных краеведами интересных работах (такие собрания устраиваются в Москве при Пушкинском музее, музее Толстого и других) с широким их обсуждением и регулярной публикацией об этих трудах в печати. Печать же об этом молчит, потому что и Общество молчит. Почему бы не составить план таких сообщений и не вызвать (или пригласить) на очередное заседание А.А. Сулова из Торжка, Н.М. Вишнякова из Ржева, Мораневского из Осташкова, группу краеведов из Старицы (быть может, из педучилища). Всё это было бы так интересно и так оживило бы свободную творческую мысль. Этого должны мы всячески желать и использовать все имеющиеся у общества не только материальные (пусть их кот наплакал), но и *юридические* возможности для их реализации. Неужели *мне* и *сегодня* нужно еще доказывать это, и кому — вам?! Не

хочу больше ничего об этом говорить. Теперь нужно не говорить, а действовать.

Странно, что, приписывая усилиям Общества заботу об охране памятников культуры, вы обошли молчанием другую сторону работы — широкую пропаганду, разъяснение значения тех или других культурных ценностей в области. Вами положено под спуд неоднократно высказывавшееся мною предложение о фотофиксации ценнейших памятников по всей области и издании серии (или серий) открыток с краткими аннотациями. Это было бы полезно не только потому, что оправдало бы себя экономически (модное слово), но и потому, что удовлетворило бы культурные потребности широкого, массового потребителя <нрзб.> нашей молодежи, став дополнительной формой эстетического и гражданского воспитания. Увы, всяким мазурикам, строчкогонам-бизнесменам открыто широкое поле для их бессовестной халтуры. А Общество боится сказать свое слово и возглавить эту работу, потому что она его кровное дело, его насущный хлеб. Я устал говорить и писать по этому вопросу и больше не пророню ни слова. Вообще ваша приписка: „Если у вас будут предложения — сообщите“ и неуместна, и оскорбительна. *Вам ли не знать о целой программе деятельности общества, предложенной мною когда-то, еще до его основания.* Вероятно, вы ее потеряли (забыли?), а я не намерен повторяться, переливать из пустого в порожнее. Людей нужно всё же уважать»¹³.

В этом письме, которое стоило бы отдельного разговора, следует отметить, во-первых, возвращение к тем формам свободных научных обществ, которые установились в России во второй половине XIX в., в

---

¹³ Там же. Ед. хр. 14.

эпоху расцвета земства. Регулярные заседания, заслушивание научных сообщений, обсуждение и публикация их, выступление приглашенных коллег — всё это вполне напоминает и формы работы государственных ученых архивных комиссий, и независимых обществ разного типа. Во-вторых, мы видим здесь совершенно новаторские для своего времени и продолжающие оставаться актуальными и в наше время формы пропаганды культурного наследия, в частности — открытки с изображением памятников старины. Сочетание форм прежнего и нового времени составляет то специфическое содержание, которое отличает людей формации типа Г.Я. Ходакова.

На фоне этих писем Г.Я. Ходакова совсем не удивительно звучит весьма пессимистичное название следующей его статьи на пушкинскую тему — «Заросла тропа...» Начинается статья картинами запустения и заброшенности. А продолжается следующими словами:

«Между тем название этого чудесного уголка средней России тесно переплетается с историей русской национальной культуры. Сейчас здесь разрушается „второе Михайловское“, место, неразрывно связанное с именем великого Пушкина. Берновщину также с полным правом можно было бы назвать и вторым Болдино, — такое влияние оказала она на творчество поэта.

Место это, давно открытое старыми пушкинистами и краеведами (Колосов, Фессалоницкий, Иванов, Вершинский и др.) и серьезно изучавшееся ими, впоследствии, по нашей нерадивости (иначе это не назовешь), отошло на второй план, хотя и сейчас является богатейшим источником для исследования творчества Пушкина. <...>

Трижды совершал я с разными лицами научные

экспедиции в эти священные сегодня для всех культурных людей места — в 1936 году, в 1949 году и в 1965 году. С каждым новым посещением я всё больше убеждался, что, если мы не примем теперь же энергичных мер к сохранению и восстановлению этого памятника, то те, кто придет после нас, навряд ли найдет здесь что-либо.

Всякого, побывавшего в Бернове, не может не оскорбить запущенность здания (теперь здесь школа), где бывал поэт. Дом требует ремонта. От пушкинской комнаты ничего не осталось. Все помещения второго этажа перестроены и имеют весьма унылый вид. А школа претендует на присвоение ей имени великого поэта. Плачевно состояние парка, в котором из года в год появляются новые срубы. Запущен центральный пруд, заросли аллеи. Нигде ни одной мемориальной доски. Берновская церковь—ценнейший памятник XVII века — сдана под зернохранилище.

Пора, наконец, добиться реального сдвига в охране беспризорных, брошенных пушкинских мест в двух часах езды от Старицы. Тем более что руководство старицкого педучилища взялось за организацию отныне ежегодных пушкинских чтений в день гибели поэта, в которых примут участие, кроме студентов, местных краеведов, комсомольской и партийной организаций, также ученые-пушкинисты из Ленинграда, Москвы, Калинина, Михайловского, Болдино. Первые чтения состоятся уже этой зимой. На них будут объявляться имена удостоенных Пушкинской премии за лучшее сочинение, коллекционирование предметов, связанных с именем юбиляра. Все эти организации решили поддержать предложение об объявлении Берновщины Пушкинским заповедником и о других мерах увековечения памяти поэта.

В Старице понимают культурное значение исторических мест района, но действуют в этом направлении только рядовые любители-энтузиасты. Удивляет и равнодушие наших областных организаций, прежде всего управления культуры, к памяти великого поэта»¹⁴.

Этот документ представляет нам новое парадоксальное совмещение двух противоположенных тенденций. С одной стороны, мы видим вполне адекватную материалу программу создания пушкинского заповедника, ценного самого по себе. С другой стороны, я хотел бы обратить внимание на формулировки «второе Михайловское» и «второе Болдино». Подобного рода формулировки, как известно, выражают характерный для провинциального сознания комплекс «младшего брата». Новое место, претендующее занять определенную нишу в уже установившейся социальной иерархии, называет себя по имени одного из лидеров этой иерархии. Если уже есть Михайловское и Болдино, то Берново должно стать не хуже их, говоря на языке провинциального сознания, «вторым» таким же. И эта мысль еще не раз встретится нам в документах Г.Я. Ходакова.

Летом 1966 г. Г. Я. Ходаков неоднократно посещает Старицкий район, встречается с руководителями, С.П. Орловой, которой передает ряд краеведческих материалов о Пушкине, часто выступает перед студентами старицкого педучилища, учащимися берновской школы, призывая изучать творческие связи Пушкина со Старицким районом. Председатель Калининского областного отделения ВООПИК М.А. Ильин писал ему: «Ваш материал будет также принят к сведению»¹⁵.

---

¹⁴ Ходаков Г. Заросла тропа... // Смена (Калинин). 1966. 9 июля.

¹⁵ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 14.

Четвертая пушкинская экспедиция, организованная Г.Я. Ходаковым, состоялась 1—10 июля 1965 г. В организации экспедиции Г.Я. Ходакову помогал Арсений Дмитриевич Баранцев, преподаватель русского языка и литературы средней школы № 6 Калинина. Вместе с организаторами в экспедиции участвовало восемь человек, в том числе преподаватели и студенты торжокского педагогического училища. Во-первых, две преподавательницы биологии: Клавдия Ивановна Минина и Светлана Дионисовна Байкалова. Во-вторых, две преподавательницы литературы: Галина Степановна Муравьева (уроженка берновских мест) и Валентина Федоровна Кашкова (в будущем известная писательница-пушкинистка). В-третьих, студенты училища Александр Чумарин и Александр Копышкин и калининский фотограф-художник Борис А. Михайлов. В своих воспоминаниях В.Ф. Кашкова неоднократно и подробно рассказывает об обстоятельствах формирования состава экспедиции, о ее ходе¹⁶. О том, что эта экспедиция имела для многих ее участников решающий характер, вполне определенно пишет В.Ф. Кашкова: «Если бы не он, не эта памятная встреча, пушкинская экспедиция, впечатления, рассказы и разговоры о Пушкине и на

---

¹⁶ Кашкова В. Ф. Рядом и далеко: Тверские этюды о Пушкине. Книга вторая. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2008. С. 63—74, ср. с. 60. Ср. также: «Однажды чистая случайность свела меня с Г. Я. Ходаковым, калининским учителем, краеведом, занятым чудачком, каким он казался многим. <...> Летом 1967 года <...> химик, биолог, два преподавателя литературы, фотограф облархива, двое наших учащихся, двинулись мы в путь, вооружившись кинокамерой, фотоаппаратом, лопатами, рулеткой. Мы шли «добывать историю», как говорил наш неугомонный руководитель. Больше недели ходили мы по окрестностям Бернова и Малинников — спрашивали старожилы, записывали предания, копали, измеряли, фотографировали...» (Кашкова В. С годами всё ближе // Советская Россия. 1984. 3 июня).

пушкинскую тему, кто знает, стала бы я заниматься пушкинским краеведением, стала бы я той, кем стала сейчас! Он мне ничего не говорил, но я это ясно почувствовала, словно внутренний голос сказал мне: ты будешь писать!» И еще: «Я на всю жизнь осталась благодарна Георгию Яковлевичу! Он, можно сказать, благословил меня на пушкинское краеведение, и по сей день у меня сохранилось теплое чувство уважения к этому человеку»¹⁷.

Сейчас не стоит подробно пересказывать эту экспедицию, поскольку зрительные впечатления 1967 г. (во всяком случае, в современном пересказе) не много отличаются от современных. Гораздо важнее обратить на один очень важный факт, который, как мы понимаем, окажет очень существенное влияние на будущее Г.Я. Ходакова. Этим фактом является обнаружение около Курова-Покровского следов каких-то построек. Вот один из рассказов В.Ф. Кашковой об этом: «В лесу недалеко от Кистеневской пустоши обнаружил какие-то старинные укрепления — валы, остатки церкви. Ходаков разволновался.

— Здесь возник сюжет „Дубровского“, — заявил он спутникам. — Истории известно, что у Полторацких, на льняных заводах, случались крестьянские бунты»¹⁸.

Вот фрагмент из более поздних воспоминаний В.Ф. Кашковой: «В Курово-Покровском, имении Панафидиных, местный житель водил нас по лесу, на опушке мы видели нечто, похожее на фундаменты, и плиты, напоминавшие каменные ступени...

---

¹⁷ Кашкова В. Ф. Путешествие к милому берегу... Тверь, 2008. Кн. 2.

¹⁸ Кашкова В. От Торжка до Старицы // Советская Россия. 1982. 19 сентября.

— Старики рассказывали, что здесь была часовня, — говорил наш вожатый.

— В лесу часовня? — удивлялись мы.

— Может, тогда и леса здесь еще не было, говорили, что где-то тут была Кистенёвская пустошь: ведь прошла уйма лет!

...Вечером мы увлеченно рассуждали и строили догадки: не здесь ли Пушкин нашел сюжет для „Дубровского“?

Георгий Яковлевич рассказывал об истории создания повести и тоже фантазировал: „Сюжеты — как странники: могут постучаться в окно, когда их не ждут! А ведь открывали дверь и впускали...“¹⁹.

А вот фрагмент уже из третьего рассказа В. Ф. Кашковой об этой экспедиции: «Кто-то из участников похода вспомнил, что неподалеку есть пустошь, которую, по глухим свидетельствам местных жителей, звали некогда Кистеневской.

Кистеневская пустошь! Как тут не замереть сердцу краеведа. Не здесь ли услышал Пушкин это название, которое подарил потом сельцу Кистеневке в своей повести „Дубровский“? Да не здесь ли возник и сам замысел этого произведения, известного ныне каждому школьнику? <...>

Так вот, ничего подобного тогда, когда проводился этот поход, около десяти лет назад, ни в Торжке, ни в Бернове не было и в помине. Скупые сведения о том, что места эти посещал и любил Александр Сергеевич, можно было встретить разве что в комментариях, сопровождающих тома собрания его сочинений. Долгие десятилетия оставались эти сведения как бы неостребованными. И сами места, связанные с именем Пушкина, хранили память о нем глухую,

---

¹⁹ Кашкова В. Ф. Рядом и далеко. С. 65—66.

неясную, разбавленную домыслами, сомнительными частностями.

— А в лесу была церковь, сгорела...

— Давно ли?

— Давно-о... При дедах, прадедах.

Опять загадка: не имеет ли и эта церковь, о которой помнят старожилы, отношения к замыслу „Дубровского“? Нашли место в лесу, где стояла церковь, стали раскапывать...

Всё возбуждало интерес, всё рождало догадки, подчас наивные, и преимущество порою невольно отдавалось не столько действительному, сколько желаемому. Что ж, такой „перекос“ легко понять и — с высоты сегодняшнего знания — оправдать»²⁰.

Если внимательно вчитаться в то, как передает свои впечатления В.Ф. Кашкова, открытие Кистеневской пустоши и каких-то построек на ее месте произошло именно летом 1967 г. Именно тогда и возникли смутные догадки и предположения о связи этого названия с романом Пушкина «Дубровский». Однако, как мы помним, Г.Я. Ходаков уже в черновом тексте статьи 1965 г. писал о том, что про Кистеневскую пустошь он узнал во время экспедиции 1936 г. Значит, во всяком случае для него, открытие 1967 г. не было по сути дела открытием. Но мы уже имели возможность отметить, что в статьях, написанных в 1936 г., никаких упоминаний о Кистеневской пустоши не было. Поэтому естественно предположить, что первоначальное знакомство Г.Я. Ходакова с этим явлением произошло в 1949 г., во время второй экспедиции, о которой мы знаем очень мало. И экспедиция 1967 г. только оживила

---

²⁰ Кашкова В. Ф. Дорога к Пушкину // Правда. 1973. 28 октября. Ср.: Кашкова В. Ф. Я иду к Пушкину // Смена (Калинин). 1987. 6 июня.

старые воспоминания и дала новый толчок воображению, который уже нельзя было остановить.

По результатам экспедиции Г.Я. Ходаков направил начальнику Калининского областного управления культуры А.И. Моисееву докладную записку: «Словом, неизмеримо вырастает значение Берновщины как одной из важнейших творческих лабораторий поэта, как второе (тверское) Болдино, капитально обогатившее нашу литературу. Нельзя поэтому не ценить этих мест. Нужно их особенно беречь, и об этом должна позаботиться Калининская область, продолжательница и наследница богатств Тверской губернии.

Мы должны понять и поднять значение этого историко-литературного богатейшего источника, подобного истоку нашей великой реки, также находящемуся в пределах Калининской области и умножающему славу нашего отечества.

Внимательное, повторное ознакомление с этими местами показало, как велик нанесенный ему ущерб и как своевременно сейчас принятие мер к предотвращению дальнейшего разрушения этого памятного места».

Далее приведена характеристика современного состояния всех берновских мест, среди которых следует специально остановиться всё на той же Кистеневской пустоши: «В Старом Глинкине еще живет легенда о том, что события, изложенные в романе „Дубровский“, происходили в этих местах. Троекуров жил в Курове, Дубровский в Васильках, Верейский – в Васильевском. Не богатейший ли помещик-магнат князь Путятин, владелец Васильевского и обширных земель почти до Ильи Гор, отразился в нем? Маша ездила венчаться в Васильевскую церковь и на обратном пути была остановлена в пути разбойниками. Между Василь-

евским и Куровым расположена гряда лесистых холмов – Барские горы и Волчьи горы. В Барских горах сохранились следы старых укреплений, какого-то лагеря, а в лощине между ними – курганы»; «К Курову примыкает любопытная пустошь Костенево, или Кистенево (в двух-трех километрах от дер. Подолы, принадлежавшей курскому <!> помещику <...> Некоторые жители Подолов и Глинкина указывают, как упоминалось выше, на эту усадьбу как якобы бывшие владения Дубровского». Далее перечислены фамилии местных краеведов, пушкинистов-исследователей, собирателей и отмечен их вклад в пушкинское, краеведческое наследие. В заключение записки Г.Я. Ходаков предлагает ряд мероприятий (общим счетом 18).

В это же время Г.Я. Ходаков подготовил краткий вариант работы «Проезды и пребывание А.С. Пушкина в Тверской губернии». Этот проект М.А. Ильин направил 30 августа 1967 г. в Москву на оценку Т.Г. Цявловской, которая дала пространный отзыв с многочисленными замечаниями и уточнениями, в личном письме к М.А. Ильину от 24 декабря 1967 г. она советовала дать возможность Г.Я. Ходакову более пространно изложить свой материал. Кроме того, в письме Калининское отделение ВООПИК от того же числа она писала: «Горячо поддерживаю мысль о создании в доме в Бернове, в котором жил Пушкин, *Пушкинского музея*. Более того, считаю необходимым возбудить ходатайство об организации в местах, связанных с Пушкиным в Калининской области, *Пушкинского заповедника*»²¹.

Пушкинская комиссия АН СССР в свою очередь обратилась в администрацию области с поддержкой тех предложений, которые выдвинул Г.Я. Ходаков и кото-

---

²¹ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 24.

рые легли в основу докладной записки М.А. Ильина, о чем свидетельствует письмо председателя комиссии академика М.П. Алексеева к председателю исполкома Калининского областного совета депутатов трудящихся Ф.В. Казнову от 2 ноября 1967 г.²² Менее категоричным, но всё же положительным было и решение председателя президиума Центрального совета ВООПИК В. Иванова. Очевидно, всё это повлияло и на решения местного начальства, потому что вскоре председателю совета Старицкого районного отделения ВООПИК В.Н. Спасской и Г.Я. Ходакову (копия) было направлено следующее письмо председателя совета Калининского областного отделения ВООПИК М.А. Ильина: «Областной Совет просит установить шефство над пушкинскими местами вашего района, изучить состояние этих мест и дать предложение для решения этого вопроса в областных организациях по улучшению сохранности и способах популяризации заповедных мест».

А в 1968 г. на основе докладной записки М.А. Ильина, в которую были включены основные работы Г.Я. Ходакова, берновские места решением Калининского облисполкома были объявлены историко-природным заказником (решение № 179 от 3 июня 1968 г. «Об охране, использовании и благоустройстве историко-природного заказника в Калининской области, связанного с жизнью и творчеством А.С. Пушкина»).

Получив извещение о принятии этого решения, Г.Я. Ходаков отправляет его в письме от 14—15 июня 1968 г. к С.П. Орловой, которая через некоторое время стала первым директором Берновского музея Пушкина, а тогда заведовала сельской библиотекой: «С запозданием пересылаю Вам копию Постановления обليس-

---

²² Там же. Ед. хр. 22. Л. 6.

полкома об объявлении района Берновщины Пушкинским „заказником“ (заповедником). Постановление состоялось 29 мая. Постарайтесь перепечатать это решение и вывесите это решение возле экспонатов выставки на видном месте в рамке (вместе со списком подлежащих охране мест). Список этот не полный... Нужно, чтобы в Бернове теперь был создан свой *Пушкинский совет* заповедника из представителей школы, сельсовета, библиотеки... Обсудите, какие еще забытые объекты не включены в список. Я включил бы еще пруд в Павловском (пушкинских времен) и остатки скотного двора, о котором поэт упоминает в „Онегине“: не помню сейчас, есть ли такой старый двор в Павловском, а в Соколове такой двор был в прежние мои приезды. Не знаю, как теперь еще можно спасти от окончательного разрушения деревянную часовню в Малинниках. Она была при Пушкине в действии. В последний раз в 1965 г. я видел еще целым сруб с маковкой, но внутри всё уже было разломано. Надо сохранить, восстановить, что можно.

Зачитайте постановление ученикам в школе на общем собрании... Нужно, чтобы это историческое решение вошло в сознание каждого жителя, большого и малого.

В конце июня мне удастся побывать в ваших местах. Хочу собрать кое-какой материал в Старом Глинкине и заеду к вам, чтобы узнать новости и посмотреть состояние экспозиции. Будущий год юбилейный, и к нему нужно уже готовиться уже сейчас.

В этом году мы принимали здесь меры по активизации шефства над Берновским заповедником. Я просил Картинную галерею и библиографов областной библиотеки поздравить вас с пушкинским днем...

Теперь вас будут навещать официальные представители не только из Калинина, но и из Москвы. В этих условиях общественность Бернова должна как-то помолодеть и приосаниться, помогая Бернову всеми силами стать культурным центром не областного, а *всесоюзного, национального масштаба, вторым Михайловским*.

Да, и для вас и для меня это постановление — праздник. Поздравляю вас с этим решением. Прошу передать мои поздравления и всем товарищам — пушкинистам, любящим свою литературу и дорожающим историческими, памятными местами, в которых росла и крепла наша поэзия и проза в первой половине XIX века. Каждый: и житель Берново и др. пушкинских мест — сегодня именинник и, думаю, будет всячески стараться приумножить славу своего родного края, заботой о сохранении всего, связанного с именем великого поэта и поисками новых реликвий...» (письмо хранится в музее Пушкина в с. Берново).

Совершив поездку в берновские места, Г.Я. Ходаков 16 августа 1968 г. пишет новый меморандум с перечнем тех конкретных действий, которые необходимы для организации Пушкинского заповедника:

«1. Необходимо поставить перед облисполкомом вопрос об изменении административной границы между Старицким и Торжокским районами с тем, чтобы дд. Богатьково и Старое Глинкино (в пределах колхоза „Красный передовик“ или всего Богатьковского с/с) были включены в *Старицкий* район (недовольство выражается и д. Ладьино, искони находившейся в Старицком районе, с которым весь этот край больше связан проходящей здесь дорогой Старица — Высоковское — Берново). А Малинники должны быть

из Дарьинского с/с переведены в Берновский с/с. Тогда весь заповедник будет в одних руках.

2. Необходимо от Общества по охране памятников, исходя из решения облисполкома, обратиться с предложением к областной библиотеке, библиотеке пединститута, областной картинной галереи, облархиву, облмузею — помочь высылкой в библиотеку-читальню Берновского с/с, где сейчас находится основная пушкинская выставка-экспозиция (одна стена), необходимых материалов для дальнейшего расширения экспозиции. <...>

В Берновском пушкинском музее должны быть представлены интерьеры (в копии) комнаты в Малинниках, воспроизведенных в Пушкинском Доме Академии Наук в Ленинграде. С этой целью нужно предпринять поездку (недели на две) в Ленинград, в пушкинский музей в Пушкине, и в Московский пушкинский музей для выявления всего, что связано с жизнью и творчеством поэта в старицком уезде. Кое-что в этом плане может быть найдено и в окрестных деревнях, например, старинный самовар в Подолах, принадлежащий Панафидиным. Возможны предметы обстановки в Старом Глинкине (там был комод, зарисованный С.Л. Бычинским в 1936 г.). Нет ли в некоторых домах старых картин. <...>

Нечего откладывать это в дальний ящик. Общий план экспозиции будет составлен только после всех этих обращений, контактов и других видов поисков материала»²³.

Последний этап активной работы Г. Я. Ходакова над пушкинской темой относится к 1969—1970 гг., когда началась работа над созданием музея. В книге

---

²³ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 26—28.

воспоминаний А.З. Крейн, директор Государственного музея А.С. Пушкина в Москве, пишет: «В 1967 году организации Калининской области обратились в наш музей наполовину за советом, наполовину с просьбой о помощи: речь шла о создании нового музея Пушкина в селе Берново Старицкого района. Мы отнеслись к этой идее с осторожностью. Планы казались попыткой не только негодными, но вообще без всяких средств.

— Вы же начинали с нуля, — это был их основной довод.

Но на сей раз он нас мало убеждал. Никто у нас не занимался темой „Пушкин в Тверском крае“, и мы не представляли, что может лечь в основу такого музея. Кроме того, идея музея в селе, куда даже приличной дороги нет, казалась по меньшей мере необдуманной.

Мы изложили наши соображения, воздержавшись в то время от обещаний. Но мысль о создании пушкинского музея у калининчан оказалась сильнее обстоятельств и возражений. Вероятно, немалое значение имела организация Всесоюзного пушкинского праздника поэзии у соседей в Псковской области, в Пушкинском заповеднике. Идея музея развивалась, находила всё больше сторонников в области и перевоплощалась в идею более широкую: в план благоустройства Пушкинских мест, охраны природы, наконец, план „Большого Пушкинского кольца“, охватывающего все места пребывания поэта в Тверском крае — перспективный туристический маршрут, крупномасштабное культурное начинание»²⁴.

Следует указать, что московский музей Пушкина направил в калининский ВООПИК письмо от 25 ноября 1967 г., в котором «выразил сомнение в целесооб-

---

²⁴ Крейн А. З. Жизнь музея. М.: Советская Россия, 1979. С. 161—162.

разности организации пушкинского музея и превращении пушкинских мест Старицкого района в заповедник, ибо музей – это собрание художественных ценностей, реликвий, меморий, которыми данные места не располагают»²⁵.

Об этой настороженной (или боящейся конкуренции?) реакции А.З. Крейна (и большинства москвичей) вспоминает и Л.А. Казарская, старший научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея: «С одной стороны, он очень заинтересовался. С другой — засомневался, усомнился и слегка обиделся. Как это в какой-то деревне Берново, в глуши, за 250—300 км от Москвы музей А.С. Пушкина? Что это за музей в деревне Берново? <...> Тема о пребывании и посещении Пушкиным этих мест — это тема совсем не изучалась, или была изучена, но известна широкому кругу людей совсем мало. Исключение составляют статьи, доклады и работы Колосова, Иванова, Фессалоницкого, Вершинского, Модзалевского, Цявловских, Терebeneиной, Павлова и некоторых других авторов. Считалось, что нельзя всё знать. Годы 1828—1829 и 1833 выпали из поля зрения и их по инерции приписывали ко времени пребывания А.С. Пушкина в Михайловском». О том же пишет и В.Ф. Кашкова: «Что мы об этом тогда знали? Немного. Статей на эту тему почти не было, книг с 20-х годов, после Иванова и Фессалоницкого, никто не писал <...> Правда, были главы о Пушкине в книгах Н. П. Павлова, но всё это уже стало большой редкостью. В школах о пребывании Пушкина на нашей земле знали лишь счастливики, да

---

²⁵ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 11.

и Калининский университет только начинал разрабатывать темы, связанные с поэтом»²⁶.

Вот в таких условиях начала подготовка первой Пушкинской конференции, которая состоялась в Берново и Старице 5—6 июня 1970 г. Получив приглашение участвовать в ней, Г.Я. Ходаков писал 8 апреля 1970 г. ответственному секретарю Калининского отделения ВООПИК С.Б. Смирновой: «Приму самое активное участие в поездке в Берново в указанный Вами срок, рассчитывая пробыть там 5 дней (с 5 до 10 июня). За эти дни обойду еще раз „темные“ для меня „углы“ заповедника, соберу дополнительный материал для книжки». Далее Г.Я. Ходаков перечислил темы выступлений, фамилии краеведов, работавших над пушкинской темой и примерный план предстоящей конференции. В заключении он писал: «Все материалы этой первой пушкинской конференции должны быть отражены подробно не только в протоколах (в 2-х экземплярах), но и в непереносимых фотоснимках и пр. К конференции нужно подготовить решение о ежегодных слетах в Берново и пр.»²⁷

А.З. Крейн так вспоминал об этом: «В начале лета 1970 года мы получили приглашение принять участие в научной конференции на тему „Пребывание Пушкина в Тверском крае“. От Московского Пушкинского музея выехала на конференцию С.Т. Овчинникова. После этой поездки она, да и весь наш музей на многие годы стали причастны к делу воссоздания пушкинских мест в Тверском крае». Сама же С.Т. Овчинникова писала об этом так: «Я поехала в командировку в какое-то весьма смутно мне неизвестное село

---

²⁶ *Кашкова В. Ф.* Я к вам лечу воспоминаяем... Тверь, 1997. С. 40—45.

²⁷ ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 97.

Берново на пушкинскую конференцию, но, видимо, более всего для того, чтобы решать — делать там пушкинский музей или нет.

На Берновской Пушкинской конференции выступали местные почитатели поэта: писатели, учителя, краеведы. Говорили о Пушкине, о его связи с Тверским краем. Говорили горячо, восторженно, даже, я бы сказала, агрессивно. Создавалось впечатление, что вот здесь-то, в Тверской губернии, и находился главный источник пушкинского вдохновения. Краеведы ясно давали почувствовать, что знаменитые Михайловское и Болдино приобрели энергичных и убежденных соперников. А главное — это я поняла уже позднее — в этих преувеличениях была большая доля правды»²⁸.

Перейдем теперь к выступлению на конференции Г.Я. Ходакова. Тут мы имеем два ряда достаточно противоречивой информации.

Вот воспоминания одной из участниц этой конференции профессора Тверского университета А.В. Гончаровой: «5 июня 1970 года. Первые пушкинские чтения в Берново. Мне было 42 года. Он, Георгий Ходаков, действительно выступал! И как выступал!!! Он же страстным был пушкинистом, и говорил, рассказывал, как всегда очень эмоционально, энергично и активно, о связях Пушкина. Очень хорошо помню заключительные слова. Он очень разошёлся, а сцена была очень маленькая, крепко, крепко топнул ногой и сказал: „И все-таки корни, все основные параметры творчества надо искать именно здесь“. Он был абсолютно, совершенно уверен в этом». Мы помним, что раньше берновские места должны были стать, по предположению Г.Я. Ходакова, «вторым Михайловс-

---

²⁸ Крейн А. З. Жизнь музея. М.: Советская Россия, 1979.

ким», «вторым Болдиным». Теперь они становятся первым пушкинским местом, переее Москвы и Петербурга. Это очень характерное для провинциального сознание явление, когда претензия «младшего брата» сменяется геополитической претензией «центра мира»²⁹. Для нас в данном случае не принципиально, что одна мифологема сменила другую. Для нас важнее, что сам принцип мифологического мышления в сознании Г.Я. Ходакова не изменился, и этот принцип поневоле должен был вступать в противоречие с другими принципами в краеведческой работе. Назревал конфликт, избежать которого было уже невозможно.

Далее А.В. Гончарова передает содержание доклада: «На памятной пушкинской конференции 5—6 июня 1970 года в Берново и Старице Георгию Яковлевичу дали выступить. В своем эмоциональном выступлении, касающемся повести „Дубровский“, он связывал всех действующих лиц, даже Верейского, ассоциативно с героями и прототипами (крестьян, дворян) <!> Берновской волости. Образы героев и всех тех событий, которые происходят в повести, связаны с этими краями (местами). Он анализировал, вспоминая содержание, и не только самого Дубровского, но и образ сторожа Архипа, образ самого благородного разбойника Дубровского; и те события (в частности, пожар), что происходят в повести, имеют именно Берновские корни.

Заканчивая свой рассказ-доклад (а слушать его было очень интересно, но утомительно долго) и поэтому уже чувствуя, что дальше нельзя, он вышел на середину сцены и сказал: „Я всё-таки уверен, что сам образ Дубровского сложился у Пушкина именно здесь, — и

---

²⁹ См. об этом: *Строганов М. В.* Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. С. 32—39.

топнул ногой, — и поэтому он имеет искони Берновские корни“, — сказал в заключении Георгий Яковлевич.

А.В. Гончарова продолжала: «Я этого нигде не встречала до него. Мой педагог Н.П. Павлов говорил мне, что вот чувствуется, что вы внимательно изучили произведение „Дубровский“ и излагаете его, особенно влюбляясь (влюблённо) в Дубровского. Когда я готовилась к этому докладу-сообщению, учась в институте, я нигде ничего подобного не встречала. Это факт. Никаких намеков, что это было здесь, в Берновских местах.

Доклад он говорил на память. Я не помню, чтобы была бумага в руках у Георгия Яковлевича.

Он один из главных основоположников темы пушкинского возрождения на Тверской земле, в Тверском Верхневолжском крае».

Как видим, согласно воспоминаниям А.В. Гончаровой, Г.Я. Ходаков делал доклад о романе «Дубровский», основанный на тех самых реалиях, которые он открыл во время одной из своих экспедиций.

Однако в старицкой газете «Верный путь», где был напечатан отчет о конференции, говорилось, в частности, иное: «Известный в области краевед Г.Я. Ходаков, участник экспедиции по изучению пушкинских мест (1936 г.) в своем выступлении рассказал о путях-дорогах А.С. Пушкина в Тверском крае. Свой рассказ он иллюстрировал на им самим очень хорошо выполненной карте»³⁰.

О том, что темой выступления Г.Я. Ходакова были тверские дороги Пушкина, вспоминает и

---

³⁰ *Ильина Ф., Борисов М.* «К нему не зарастет народная тропа...» // Верный путь (Старица). 1970. 13 июня. В тексте статьи экспедиция ошибочно датирована 1930-м г.

В.Ф. Кашкова: «Г.Я. Ходаков предполагает, что Пушкин в августе 1833 года мог ехать из Торжка в Ярополец через Сукромлю — Страшевичи — Нивы. Это может быть правдой. Надо посмотреть старые карты — обдумать!»³¹ Впрочем, как видим, В.Ф. Кашкова называет только один из маршрутов, причем боковой и не самый актуальный для того времени.

Итак, перед нами две версии выступления Г.Я. Ходакова. По тем временам два выступления на одной конференции докладчик сделать не мог, это нарушало регламент, а все выступления были еще и заранее санкционированы, и программы конференций проходили через цензуру. Значит, мы должны выбрать из двух версий одну. Как мне кажется, версия А.В. Гончаровой ошибочна: мемуаристка передает какое-то другое выступление Г.Я. Ходакова, которое оставило в ее памяти неизгладимое впечатление. Версия же корреспондента газеты и воспроизведенная В.Ф. Кашковой запись из блокнота, сделанная на самой конференции, на этом фоне выглядят более убедительно.

К тому же ту же самую тему доклада Г.Я. Ходакова называет и еще один участник этой конференции, директор музея С.Д. Дрожжина Леонид Андреевич Ильин, хотя он указывает уже на то, что Г.Я. Ходаков в центр внимания поставил магистральную тему пушкинских дорог по тверскому краю, тему «кольца»: «Не оставляет меня желание хоть несколько слов сказать о Г.Я. Ходакове дополнительно. Дело в том, что он не только поведал о своих былых увлечениях Пушкиным, но и всех в зале покорила изготовленной им картой населенных пунктов нашего края, в которых бывал поэт. Поясняя чертеж, Ходаков сделал правой рукой убеждающий круг по линии Тверь

---

³¹ Кашкова В. Ф. Рядом и далеко. С. 93.

— Грузины — Берново — Малинники — Старица — Тверь и сказал:

— Получается кольцо поездок Пушкина по Тверской губернии!..

Когда по завершению чтений Ходаков вышел на улицу, он сразу же был остановлен массой желающих получше ознакомиться с его картой. И в этой шумливой и подвижной толпе уже не раз слышалось эмоциональное и четкое словосочетание „Пушкинское кольцо“!

С тех пор меня и сверлит убеждение, что Берново — родина и этого чудесного двусловия, которое быстро стало крылатым и за какие-то два-три года облетело чуть ли не всю Землю!»³²

Об этой карте, материалы к которой сохранились в личном архиве Г.Я. Ходакова под названием «Проезды и пребывания А.С. Пушкина в Тверской губернии (объяснительный текст к карте)», необходимо сказать подробнее. На ней мы видим перечень проездов Пушкина по тракту Москва — Петербург (именно эта тема станет потом главной для музея Пушкина в Торжке). Между тем тема пушкинских дорог волновала Г.Я. Ходакова, как мы видим из интерпретаций его выступления на конференции, во всей своей полноте. Он совершенно справедливо чувствовал огромное эвристическое значение этой темы, потому что в зависимости от того, как мы пойдем маршруты человека, зависят и наши представления о его жизненных впечатлениях. В этом отношении очень важны были две статьи Г.Я. Ходакова 1970 г. (вне зависимости от того, насколько точны его конкретные

---

³² *Ильин Леонид*. Пушкинское кольцо. Как всё начиналось // *Вся Тверь*. 1999. № 24 (59). 4 июня. С. 3. Впервые (очень коротко) об этом см.: *Ильин Л.* У истока праздника // *Смена* (Калинин). 1981. 9 июня.

наблюдения и окончательные выводы) о проездах Пушкина через Тверь³³ и о посещении им Погорелого Городища³⁴. Среди рукописных материалов Г.Я. Ходакова сохранился набросок карты проездов Пушкина от Бернова до Яропольца двумя маршрутами, которые (при разных уточнениях) сохраняют свое значение и в наше время.

После этой конференции вопрос о создании в Бернове Пушкинского музея перестал быть проблемой. Началась реальная подготовка к созданию музея, чему и была посвящена, видимо, последняя экспедиция Г.Я. Ходакова, которая состоялась 1—10 июля 1970 г. Содержание ее нам пока неизвестно. Но как и следует полагать, всё в это время сводилось к подготовке создания музея Пушкина в Бернове. Л.А. Казарская вспоминает: «Летом 1970 года встал вопрос о создании музея Пушкина в Берново силами тверских музееведов-краеведов. В это время и происходит несколько моих памятных встреч с Г.Я. Ходаковым. Он активно работал и сотрудничал с нами в создании Пушкинского музея.

---

³³ Ходаков Г. Проезжая через Тверь // Смена (Калинин). 1970. 24 ноября. Машинопись статьи более пространна и называется «Пушкин в Твери».

³⁴ Ходаков Г. А. С. Пушкин — в поселке Погорелое Городище // Ленинский путь (Зубцов). 1972. 12, 15 февраля.

Наше мнение по этому вопросу и полемику вокруг него см.: Строганов М. В. О том, как Гаврила Пушкин сжег Погорелое Городище, а Александр Пушкин написал о том // Строганов М. В. Две старицких осени Пушкина: Литературоведческие очерки. Тверь, 1999. С. 62—82; Кутейников С. Солнце русской поэзии над Погорелым Городищем // Зубцовская жизнь. 2000. 2 июня, № 62—63. С. 1; Кузнецов В. А был ли Пушкин? (несколько замечаний по поводу одной работы одного ученого) // Зубцовская жизнь. 2000. 2 июня, № 62—63. С. 2; 16 июня. № 67—68. С. 6; 27 июня. № 72. С. 2. Polemika продолжается.

Я его характеризую как пушкиниста-любителя, не связанного временем (не ограниченного во времени). Это был отлично подготовленный теоретически человек, у которого всё было разложено в голове по полочкам. Я человек-практик, которая должна, прежде всего, продумать и определить что, где и зачем (с соответствующим комментарием) должно стоять, находиться, экспонироваться.

Георгием Ходаковым был написан и предложен перспективный, тематическо-экспозиционный план музея, описания того, что должно быть на этих стендах и полках. Он обсуждался и в Москве, и в Твери. Возникали непонимание, несогласие, иной раз взрыв эмоций. Георгий Яковлевич мог мгновенно „вспыхнуть“ в несогласии с высказанной мыслью. Но самое главное, что это все-таки не мешало главному — делу продвижения и создания пушкинского музея в Берново.

Я знала, что он неоднократно ездил в пушкинские экспедиции. Он был человеком редкой любознательности, но... больше теоретик. То, что было в голове... И все-таки он отлично помогал, был компетентным человеком и очень оригинальным».

Мы могли бы скромно отставить в сторону указание Л.А. Казарской на вспыльчивость Г.Я. Ходакова. Однако эта черта характера на самом деле имела место, во всяком случае о том же пишет и Н.А. Фадеева. Эту вспыльчивость можно легко обнаружить и в письме Г.Я. Ходакова к М.А. Ильину, которое мы приводили выше. И в нашем деле эта черта характера имеет очень большое значение. Всю жизнь Г.Я. Ходаков вынашивал идею создания пушкинского музея в Бернове, идею пушкинского заповедника. Всю жизнь он пробивал эту идею через непроходимые заторы административных и партийных работников. И никто его не поддерживал,

никто ему не помогал. Вполне возможно, что он совершал и ошибки в своих поисках и построениях, но ошибается только тот, кто ничего не делает. Ему не с кем было посоветоваться, он везде шел один.

И вот появился целый штат работников, которые стали делать музей. И в этом штате для самого Г.Я. Ходакова места не нашлось. И появиться такое место не могло: человек он был уже престарелый и закосневший в своих убеждениях, которые считал неопровержимыми. У него в голове сложился четкий и ясный для него самого план музея. Но мы знаем, что любая идея при своем воплощении претерпевает массу изменений, становясь подчас просто неузнаваемой. Г.Я. Ходаков не хотел этого признавать и смиряться с этим. Так и возникал конфликт «теоретика» и «практика», о которой пишет Л.А. Казарская.

Документ, который Л.А. Казарская называет «перспективным, тематическо-экспозиционным планом музея, описанием того, что должно быть на этих стендах и полках», сохранился в личном архиве Г.Я. Ходакова под названием «Темы музея в Бернове и группы экспонатов, которые требуется искать» (1970—1971 гг.). Именно он и лег, по ее же воспоминаниям, в основу проекта экспозиции музея, как бы потом он ни изменялся и как бы далеко от этой «теоретической» идеи не ушло его «практическое» воплощение.

Это было вполне естественно. Ведь, по воспоминаниям С.П. Орловой, Г.Я. Ходаков, «пройдя по всем тропинкам и дорожкам, продолжил и закончил выстраивать изобразительный пушкинский ряд, составил список всех произведений Пушкина, написанных поэтом в Малинниках, Павловском и окрестностях, в которых нашли отражение местный (Старицкий) пейзаж, черты местного, помещичьего и крестьянского

быта, образы помещиков и членов их семейств. Он первым выстроил изобразительный ряд в будущем Пушкинском музее. Он был для нас интеллектуальной элитой».

В 1971 г. музей в Бернове был открыт. Газета «Калининская правда» писала об этом событии: «Горячее участие в создании нового музея приняли наши краеведы, почитатели поэзии Пушкина. От краеведа Г.Я. Ходакова, оказавшего большую помощь музею своими знаниями, получены материалы экспедиции по пушкинским местам 1936 года»³⁵. Но сам Г.Я. Ходаков уже отошел от пропаганды пушкинской темы. У него обострился конфликт с новым директором областного музея И.М. Бружеставицким, и он был уволен с работы из музея. Этот конфликт, как мы уже сказали, был неизбежен: мифологическое мышление вступало в противоречие в рационалистическим. Кроме того, отношения обострял и возраст: в 1971 г. Г.Я. Ходакову исполнилось 70 лет, а поскольку многие его гипотезы и предположения не были приняты, стали формироваться и обиды.

Начиная с 1970 г. пушкинская тема перестает быть темой эзотеричной. Она открывается для любого интересующегося человека, для любого профана. Посвященные в таинства берновских мистерий выглядели архаично. Это был новый этап в развитии краеведческой пушкинистики.

* * * * *

---

³⁵ *Казарская Л.* На встречу с Пушкиным... // Калининская правда. 1971. 22 сентября.

**Педагогическая и общественная деятельность
Г.Я. Ходакова**

*Феликс Георгиевич Ходаков, музыкант,
певчий храма Казанской Божией Матери
с. Власьево*

Сызмала пошло, что я — избранник.
Каждый в предсказании был быстр.
Бабушке мерещился посланник,
Маме — полиглот или министр.

По машинке, сломанной с фасоном,
Сорванцу накладывая бинт,
Прочил папа сына в эдисоны.
Все твердили: что за вундеркинд!
Каждый увлекал своей дорогой,
Для ребёнка ж не было святей,
Благородней доли педагога —
Созиданья взрослых из детей.

Г.Я. Ходаков. «Предсказание»

Георгий Яковлевич Ходаков – известный педагог, филолог, учёный-литературовед, поэт, краевед-

пушкинист, музеевед, коллекционер, библиофил и общественный деятель.

Он знал наизусть чуть ли не всю русскую классику, обладал энциклопедическими знаниями, в совершенстве знал несколько иностранных языков, являлся автором значительного количества научных трудов, написал более 300 стихотворений и поэм.

Г. Ходаков родился в Москве, в «Замоскворечье, на Большой Ордынке» 5 июня 1901 года. Его предками были потомственные русские дворяне – аристократы, служившие при царском дворе в Санкт-Петербурге, а также в Москве, Харькове, Смоленске, в Нижегородской губернии, в Ржеве... Этот город на Верхней Волге проектировали, возводили и благоукрашали, занимались в нём предпринимательской, педагогической деятельностью его прадеды, выходцы из Персии и Франции. Среди известных людей, принесших славу нашему Отечеству, - известные астрономы, скульпторы, военные, музыканты, художники и артисты, врачи, журналисты, педагоги, директора гимназий, инспекторы школ...

Бабушка Георгия Ходакова – француженка Фелиситэ де Ге, приехав в Россию из Франции в 19 веке, служила в дворянских семьях, обучая детей французскому языку и музыке. По семейным преданиям, Фелисите де Ге вышла в Твери замуж за обрусевшего перса, предок которого выехал из Ирана и поселился на Волге в Ржеве.

Очень живой, непосредственный и впечатлительный Георгий с малых лет, как губка влагу, впитывал в себя всё происходившее вокруг. Вспоминая детские и юношеские годы, он писал:

«В Москве я бывал не раз с мамой и папой. Был с ними в Кремлёвской стене, поднимался на колокольню

Ивана Великого, осматривал диковинки оружейной палаты. Помню ещё прогулку по Москве возле Храма Христа Спасителя, где был сооружён памятник Александру II. По-моему, это было в 1913 году. Тогда же впервые увидел я Царь-Пушку и Царь-колокол...»

Сдружился я Волгою с детства Со Ржевом родным, не с Москвою...

Именно дорогие сердцу Ржев и Тверской Верхневолжский край на всю жизнь стали для Г. Ходакова родными пенатами:

Из воспоминаний: «В первый раз меня и Васю (брата) привезли в Ржев, видимо, из-под Смоленска (из Талашкино), где отец работал и преподавал в местной сельскохозяйственной школе в имении княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. Здесь (в Ржеве) впервые я увидел большие красные книги «Живописная Россия»... Запомнился мне бабушкин киот и икона в углу «Иоанна Крестителя».

В большой комнате стоял рояль, и бабушка Зина, золотая медалистка 1-го выпуска Смольного института Благородных девиц в Санкт-Петербурге, играла на нём ещё при жизни папы. Только недавно я узнал, что в семье отца бытовала книжка с нотными записями популярных народных песен под редакцией Альбрехта «Гусельки». С радостным удивлением нашёл я в этом сборнике песни, которые напевал мне в далёком детстве отец: «Ночью в колыбель младенца месяц луч свой заронил», «Вечерком красна девица» и др.

Из других источников мне известно, что бабушка Зина (дочь генерала-майора инженерных войск) училась

в Смольном институте в Санкт-Петербурге как раз в те годы, когда там преподавал Ушинский. От составленных им учебников вошли в наш детский обиход многие афористические диалоги, пословицы и присловья. Таковы, например, диалоги: «Чей сын? – Саввин. – Где был? – Славил». Или: «Здорово! – Здорово! – А что везёшь? – Дрова. – Какие это дрова, когда у тебя сено. – А коли видишь, что сено, зачем спрашиваешь?» Или: «Ах, как сладки гусиные лапки. – А ты их едал? – Нет, не едал, но мой дядя видал, как барин едал, говорит, что сладки гусиные лапки», и так далее.

Родители. Быт семьи.

Из воспоминаний брата Василия - известного московского журналиста: «Я родился в большой семье учителей-интеллигентов. Моя мать Августа, будучи Ржевской мещанкой, пыталась создать обстановку, отвечающую уровню дворянской семьи, как она это себе представляла. По образованию она была учительницей. Окончив с золотой медалью гимназию в Москве, преподавала французский язык до появления у неё многочисленной семьи. Увлекалась педагогической, медицинской литературой».

«В 1914 году, - вспоминал Георгий Яковлевич, - мать купила мне два тома стихотворений Некрасова, и я стал подражателем и почитателем «музы гнева и печали»... Искусство – особый мир, в который я уходил, ещё не зная его обширности и не имея путеводителя. Первое окно в этот мир открыл мне отец мастерским чтением вслух».

Яков Яковлевич Ходаков, отец большого семейства (10 человек детей), закончил Лесотехнический институт в Санкт-Петербурге и работал картографом,

землеустроителем, агрономом. «Всё своё свободное время, - вспоминал Василий, - он отдавал детям. Не скажу точно, каких он был убеждений, но его взгляды и симпатии, как я понимаю теперь, складывались под сильным влиянием народовольцев. Он был мягким, романтичным человеком. Его любимыми поэтами были: Некрасов, Шевченко. С их произведениями мы знакомы с раннего детства. Он любил народные песни, отлично их сам исполнял и прививал эту любовь к нам. Любимыми камерными композиторами в семье были Варламов и Кюи. Он был правдив и искренен и того же требовал от детей. Он читал нам вслух Тургенева, Гоголя, Толстого. С детства мы хорошо знали Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева и других поэтов. Он привил нам также любовь к литературе, героями которой были люди, готовые придти на помощь слабым, чтобы отстоять справедливость. Марк Твен, Чарльз Диккенс, Фенимор Купер, Майн Рид и многие произведения других писателей стали знакомыми нам с детства благодаря отцу.

Он привил нам знание природы и любовь к ней».

«Словом, - писал Г. Ходаков, вспоминая счастливые детские годы на Волге, - можно сказать, что для всех (или почти всех) членов нашей семьи Волга была колыбелью и нравственной воспитательницей. Конечно, сейчас она совсем не похожа на ту прежнюю - тихую, узкую, но едва ли не главную улицу нашей дореформенной жизни. Она вскормила и вспоила поэзию Некрасова, а поэзия Некрасова стала нашим хлебом насущным».

Основы мировоззрения. 1915-1918 гг.

Петроград. Шувалово-Озерки. Единая трудовая Шувалово-Озерковская школа.

«Доржевский, Ленинградский период (1915-1918) заложил основы моего мировоззрения и был важным этапом моего созревания. На моих глазах совершались грандиозные исторические события февраля и октября 1917 года. Ленинград пробудил меня к новой жизни, я страстно привязался к ведшим нас не только в науку, но и в жизнь учителям в лице, прежде всего, преподавателя литературы Михаила Яковлевича Аплетина, впоследствии видного деятеля партии и Советского государства на поприще культуры и математика Александра Павловича Каменского. Также сильно было чувство товарищества. Я не хотел покидать товарищей. Я не хотел покидать друзей, с которыми сросся за три года совместной учёбы и работы. Но больше всего жил я общественными устремлениями тех лет: лихорадочно следил по газетам за развитием событий в Первую Мировую войну (1914 г.) на Балканах, вчитывался в пестревшие белыми пропусками (следами цензуры) столбцы отчётов о заседаниях Государственной Думы... В эти дни начал я коллекционировать все печатные издания – листовки, газеты и брошюры, понимая мировое, историческое значение событий, развёртывавшихся перед моими глазами. В эти дни ломались и рухнули мои религиозные предрассудки, мысль искала новой точки опоры, вырабатывалось постепенно материалистическое мировоззрение.

В романтическом увлечении представлял я себе все совершающие передо мною чудесные явления, как ворота в какой-то новый, суровый, но прекрасный мир, которого нужно быть достойным, для жизни в котором нужно всего себя пересмотреть под пристальным надзором совести и переломить, отбросив всё старое и обветшалое. Делом моей чести, всего моего существа

тогда была решимость подготовить себя к сдаче исторического экзамена на право вступить на обновлённую землю Родины ногою верного солдата революции. В этом я видел своё счастье. По-видимому, ленинским образом профессионального революционера, новой рахметовщиной пропитан был весь воздух, которым мы дышали тогда.

Уже тогда я понимал, что это выбор дороги на всю жизнь, что ничто из того, что дало мне «прозрение», не должно быть утеряно, забыто, отвергнуто, как «юношеский бред» в угоду расчётливой зрелости. Знамя юности для меня было и оставалось синонимом знамени жизни. На этом уровне, с этим горением должен был я прожить без усилий, без ощущения «трудностей», убеждённо и вдохновенно всю жизнь. Потом эти мысли получили подкрепление в общении с друзьями, в житейских схватках, в чтении книг. И ощущение этого счастья сохранилось во мне во всей силе и свежести до сегодняшнего дня» (из «Воспоминания о юности в зрелости и старости», август 1977 года).

Призвание. Ржев.

«Мой путь и дни и ночи страстно служить уму и красоте».

С 1 сентября 1919 г. по 1 сентября 1921 г. работал в Ржевском пролеткульте в качестве лектора и инструктором отдела народного образования.

«Вступив в начале 1919 г. в комсомол, я не хотел казаться в нём старше своих лет и никогда их не прибавлял. Юность для меня была тем драгоценным даром, той любовью, с которой я дал себе слово никогда не расставаться. И по сей день я не потерял той же страстности и волнения, которые были первыми признаками ранних лет и, прежде всего, живой связи с

молодёжью. Да, я носил комсомольский билет «не в кармане» - в груди, как сказал первый комсомольский поэт А. Безыменский, да и профессию я выбрал самую молодёжную – педагогическую.

Сколько событий прошло перед глазами за этот срок. И все они озарены романтическим восторгом юности. На всё я смотрел и воспринимал глазами и сердцем романтика-комсомольца.

Вступление в комсомол, а потом принятие вскоре (в июне 1919 г.) в партию повысили ещё больше чувство моей внутренней ответственности, и я, закончившая среднюю школу, с головой ушёл в комсомольскую работу. Помимо других вопросов, вставших тогда перед нами, особенно острым и животрепещущим был вопрос об учёбе. Под учёбой подразумевались всевозможные формы политического самообразования, без которого нельзя было браться за самое простое общественное дело, вести разъяснительную работу в массах, не разбиравшихся во многих вопросах.

Отдельной какой-либо политшколы в то время ещё не было. Их заменяли периодические беседы со старшими, присутствие на митингах, чтение газет, самообразование, посещение открытых курсов, труд и фронт.

Ликбез.

Тесно примыкала к деятельности Ржевского комсомола ещё одна благодарная обязанность, которую брали на себя комсомольцы – «ликвидация безграмотности».

Подавляющая часть выявленной молодёжи была неграмотна или малограмотна. Необходимо было бороться и с ещё высоким процентом неграмотности среди сельского населения средних лет. Комсомольцы созда-

вали группы ликбеза и проводили с малограмотными регулярные занятия, превращаясь на время в учителей.

Литература (учебники), тетради для письма и прочие принадлежности распределялись бесплатно через комитеты комсомола. Ликбезнику-добровольцу вручалась и особая ведомость, в которую заносились ученики, державшие по окончании учебного года испытание за определённое количество классов...

Но основная, самовоспитательная работа, которой мы все увлекались, проходила не в комитетах, и не на собраниях, а в повседневном общении...

Были и другие школы самообразования – Народный университет в Ржеве (хорошее, полезное начинание в работе по приобщению к культуре широких слоёв населения, трудящихся – по типу напоминавший в миниатюре университет Шанявского в Москве), Ржевский пролеткульт, организованная полит-учёба в губкомол (в Твери).

Но ни литература, ни статьи-очерки, ни Коплонтай не могли нас интересовать так, как животрепещущая большая политика, осознание законов общественного развития, понимание языка революционных событий...

Первые учителя 1919-1921 гг. выполнили главное дело – сделали меня политически грамотным».

Многоликий мир искусства.

«Школьный учитель М.Я. Аплетин уже в годы I-й Мировой войны заставил заглянуть во внутренний мир искусства с другой стороны – «с улицы». Уже этот новый угол зрения был началом революции в самой жизни. Потом пошли учителя, товарищи, каждый из которых вносил своё, расширяя знания географии этого мира, прививая новые вкусы. К поэзии Маяковского я

пришёл сам только в университетские годы. Другой, доступной поэзией была поэзия Демьяна Бедного. Его басни мне очень нравились, а «Главную улицу» я разучивал с учащимися педучилища (1926-1933гг) как хоровую декламацию (ораторию). Из иностранных поэтов в результате пролеткультовских студийных занятий и выступлений (в Ржеве и в Твери) всем нам стали очень близки Уолт Уитмэн и Э. Верхарн. Мастерский перевод Брюсова помог нам понять поэтическую силу этих поэтов «грядущей демократии». «Восстание» Верхарна и «Мятеж» Уитмэна («Бей, бей, барабан, трубы, трубы, трубы...») были у всех на устах. Тогда же я познакомился с поэмой Блока «12» и чеканной поэзией Брюсова.

Яша Эндель (тверской журналист) привил мне интерес к двум различным литературным индивидуальностям – Бунину и Щедрину. С тех пор я не могу забыть Бунинского стихотворения «Запустение», в котором автор так ярко отразил тоску по революции. И всё же впечатление от Щедрина, которого я ещё «не нюхал», было гораздо сильнее.

После этого открытия великий сатирик стал моим любимейшим писателем.

Яша ввёл меня и в живую литературу, т.е. в круг прозаиков и поэтов областного масштаба, от которых не так далеко было и до Москвы».

Московский университет. 1921-1925 гг.

«Резким скачком в росте моего сознания и познания мира стал для меня Московский университет. Здесь учился я с 1921 по 1925 год, а жил в основном у дяди и тёти на Рождественке. Был здесь и двумя годами раньше и запомнил памятники, поставленные в городе в целях художественной пропаганды: барельеф Свободы

(Коненкова) на Кремлёвской стене, памятник Шевченко, памятник Конституции, Достоевскому и пр.

Здесь 1 мая 1919 г. на Красной площади я видел и слышал Ленина...

Когда в 1922 году после смерти папы я целиком отдался университетской учёбе, Москва, взяв за руку, как Вергилий Данте, повела меня по литературным кругам и закоулкам. Тогда только что возникли первые советские журналы: «Красная Новь», несколько позднее «Молодая гвардия», критико-библиографические «Печать и революция» и другие.

Учёба в университете

Знакомясь с литературой и расширяя свои представления, мы не таились друг от друга, не замыкались в своей скорлупе. Наоборот, каждая книга, каждое новое произведение, с которым знакомился один, передавалась другому или читалась коллективно вслух. Мы читали, например, друг другу вслух повести Сейфуллиной, рассказы Джека Лондона, устраивали домашние концерты с самой разнообразной программой. При этом не помню, чтобы когда-нибудь непременно элементом на таких литературных вечерах была винная бутылка. Случалось, что мы разыгрывали с листа, зачитывали целые пьесы, понравившиеся нам. Так, например, не раз мне приходилось читать товарищам в лицах героическую комедию Ростано «Сирано де Бержеран». Любили мы революционную сатиру, остроумные эпиграммы, частушки, которые сочиняли иногда на самих себя. И вдруг от литературы переходили к «языку»: «А что такое «весёлое кипение?»; а «Шаганэ» – это такое имя?»...

К этому следует добавить, что в нашей среде была объявлена война всякому огрублению языка,

блатным словам вроде «стрёма», «на большой», «шамать», «долбанём» и пр. Когда какой-нибудь человек начинал говорить высокопарно, вставляя иностранные слова, мы поправляли его, заменяя неудачные простыми и вместе изящными оборотами, пользуясь часто русскими поговорками, а также перешедшими в разговорную речь поэтической фразеологией».

Маяковский и Есенин...

«Мы жадно ловили первые литературные новинки и горячо их обсуждали.

В этот же период (1923-1925 гг.) выросла перед нами поэзия Маяковского и Есенина.

Каждый поэт и писатель прокладывает к своему читателю свою дорогу. Если какой-нибудь уже известный поэт или писатель недопонимался мною, это значило, что я до него не дорос, не знаю к нему "ключа" дороги. Лучшим ключом в этом случае оказывалась живая связь, выступление автора с аудиторией. Так познакомился я с Маяковским и Есениным.

Маяковский для меня уже не был новинкой, но Есенина я не постигал. В литературном приложении к газете "Смена вех", "Неделе", свободно распространявшихся тогда, я прочитал подписанное Есениным стихотворение "Все живое особой метой отмечается с давних пор", но красивого почему-то ничего не нашел. Летом 1923 г. мне удалось попасть (по бесплатному билету) на юбилейное собрание, посвященное пятилетию Государственного издательства. После доклада Халатова было объявлено, что сейчас начнется концерт, почтившие ГИЗ своим присутствием писатели и поэты прочитают свои последние произведения.

Когда на сцену вышел Есенин, огромный зал, точно раскололся на две части: одни яростно апло-

дировали, другие так же яростно свистели. Я попал почти в "ложу", потому что сидел на краю сцены и видел все в крупном плане, неловко только было поворачиваться. А на сцене стоял, дожидаясь конца этих противоположных излияний чувств одетый с иголки, по последней моде малоизвестный мне поэт. Желтое лицо, несколько опухшее, показалось несвежим и болезненным, цвета соломы волосы, лежавшие на голове пышно, но не густо казалось, были немного завиты. Опирался он на тросточку и скорее напоминал деревенского гуляку, но никак не поэта. Когда же он заговорил, вся внешность его уплыла куда-то. Я глядел во все глаза и ничего не видел кроме развернувшейся под напев его речи панорамы "Руси советской". Я посетил родимые места, ту сельщину, где жил мальчишкой... Покачиваясь в такт словам, читая в непривычной и нелюбимой мною манере, он как-то незаметно подавил и уничтожил в эти минуты все, что не нравилось в нем и пробудил чувство восторга и наслаждения. Нечто подобное, видимо, испытывала и вся остальная аудитория. Горячая и длительная овация, вспыхнувшая после того, как замолчали звуки голоса, была ему заслуженным вознаграждением и выражением массовых симпатий к его поэзии, которых заслуживал только большой национальный талант.

После этого я стал адептом поэзии Есенина, прочитал все, им написанное, и стал собирать все издания его стихов. Весть о смерти поэта побудила меня к организации посвященного его памяти вечера силами учащихся совпартшколы и педтехникума. Вечер состоялся, но за его организацию я понес наказание, как за пропаганду "упадочничества" (есенинщины) среди молодежи.

Маяковского я слышал несколько раз. Он запросто бывал в университетском клубе и там читал свои стихи. На вечере ГИЗа он был не в духе и не хотел сначала выступать. Помню его фигуру, голос. Выступление поэта на указанном мною юбилейном вечере ГИЗа вызвало такой же взрыв противоположных настроений, аплодисментов и свисты. Но свистели поэту немногие. Все издания его стихов я начал собирать еще раньше и очень дорожил обеими коллекциями. Потом начались периоды последовательного подражания обоим поэтам, так необходимо дополнявшим друг друга. Знакомство в эти же годы со стихами Сергея Третьякова, Василия Каменского, Асеева, Кирсанова и увлечение поэмами Безыменского ("Лениндель", "Комсомолия", "Феликс", "Трагедийная ночь") приблизило постепенно ко мне и Маяковского. Симпатия к нему росла прочно, но медленно. Овладеть духом его поэзии стало для меня делом чести. Помню, что в половине двадцатых годов наибольшей популярностью пользовались поэма «150000000», сатирические стихи и лозунги-рифмы.

На этом же вечере в большом зале консерватории выступал и Н.Тихонов, но я убедился тогда, что он не умеет читать своих вещей. Читал он монотонно, особенно нажимая на ритм, а эта манера заслоняла содержание и мешала чувствовать настоящую красоту стиха, заключающуюся в выразительном и технически неощутимом сочетании глубокой мысли с ее образной формой.

Помню, уже сравнительно недавно, лет семь тому назад, я неожиданно познакомился с еще одним поэтом до того мне совершенно неизвестным. Это был Фатьянов, уроженец г. Вязники Владимирской обл. Я очень недоверчиво, немного насмешливо смотрел на

грузного, одутловатого мужчину средних лет, приглашенного институтом для встречи со студентами. А он сумел меня разоружить, показав небольшой, но несомненный талант своеобразной интимной лирики. Стихотворения свои читал он на редкость выразительно. Некоторые его вещи исполнялись студентами в музыкальном оформлении Соловьева-Седова. Но и простое его чтение производило не меньшее музыкальное впечатление.»

Во время учёбы на художественно-литературном отделении факультета общественных наук, Георгий Ходаков посещал и очень хорошо знал лекции профессоров-учёных Герасимова (кафедра антропологии), Арцеховского (кафедра археологии), наркома просвещения Луначарского, неоднократно встречался со Ждановым, Фурмановым... Выполняет все требования учебного плана по циклу русской литературы и прорабатывает соответствующие задания по производственной практике.

Преподавательская деятельность.

С сентября 1925 года по сентябрь 1935 года, Г.Ходаков преподавал в Ржеве в Совпартшколе в педагогическом и эксплуатационном техникумах. По воспоминаниям современников и очевидцев преподавательской деятельности Ходакова, тот «...появлялся в студенческой аудитории своей стремительной походкой, словно свежая струя воздуха неожиданно врывается в класс и начинал говорить очень простым и понятным языком. При этом каждое его слово было глубоким, ёмким, точным по смыслу и доступным для восприятия, а каждая фраза содержала в себе логически отточенную, законченную мысль. Его манера преподавания – очень яркая, артистичная, эмоционально-

выразительная – никого не оставляла равнодушным и была достаточно убедительна». Это нашло своё отражение в созданном в 1932 году совместно с педагогом Гавриловым учебника «Грамматика русского языка для 4-го класса».

Ленинград. Аспирантура.

1933-1934 гг. – лингвистическое отделение АЛИЯ. Аспирант.

1936-1938 гг. – аспирантура в Ленинграде в ГАИС.

Георгий Яковлевич состоял аспирантом Государственной Академии Искусствознания, после реорганизации которой был переведён в аспирантуру Ленинградского Государственного университета. Учился на филологическом факультете по специальности «История русской литературы». В эти годы он уже трудится над кандидатской диссертацией: «Литературные гнёзда Тверской губернии 1800-1936 гг.» – сдаёт кандидатский минимум и заканчивает аспирантуру в июне 1938 г.

Интересно свидетельство этого периода младшего научного сотрудника института Литературы Академии наук СССР В.И. Малышева, гостившего в Ржеве весной 1938 года: «Георгий Яковлевич собирал материалы по истории литературы местного края для своей кандидатской диссертации – «Литературные гнёзда Тверской губернии 1800-1936 гг.». Я имел возможность познакомиться с его библиотекой, насчитывавшей тогда свыше 15 тысяч книг по истории, литературе и истории местного края. Библиотека Ходакова считалась одной из самых крупных в Ржевском районе и состояла на учёте в Калининском комитете по охране памятников старины. В Ржевском музее и районном архиве я слышал отзывы о Ходакове как одном из лучших знатоков края.

Лично я воспользовался большими знаниями Георгия Яковлевича по части местной старины».

Такую же характеристику дала профессор Тверского государственного университета, доктор филологических наук А.В. Гончарова, приехавшая после войны (в 1947-1949гг.) в Ржев собирать местный фольклорный материал для своей кандидатской диссертации и работавшая вместе с ним в школе посёлка Итомя Ржевского района. «Он сильно поддерживал меня, - вспоминала Александра Васильевна, - стимулируя, пробуждая и развивая интерес к местному фольклору, историческому быту, русской народной песне, народным традициям, к краеведению. Он поддерживал моё внимание и к Пушкинской тематике, приглашая проводить открытые уроки в школе. Он очень гордился мною, видя моё желание и стремление расширить свой кругозор и познания, и во всём помогал и наставлял!

Он молодец, большой молодец!»

1938-1939 гг. – работа в Литературном музее у Бонч-Бруевича в Москве. Личный секретарь.

1939-1941 гг. – возвращение в Ржев на политработу на железной дороге (лектор).

1941-1945 гг. – лектор в политотделе на железной дороге.

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.).

Станиславская трагедия (1946 г.)

Казалось, впереди ещё более блестящая перспектива. Но все надежды, планы и мечты перечеркнула война и «Станиславская» трагедия.

Эти события до сих пор красной нитью, незаживающей раной, болью в душе и сердце проходят сквозь сегодняшний наш день, оставаясь во многом

неизвестными, неоткрытыми, безответными, неисследованными и неосвещёнными...

Человек энциклопедических знаний, великолепно знавший русский язык, русскую и зарубежную классическую и современную литературу, владевший несколькими иностранными языками, готовился к работе в Высшей школе по своей специальности – словесности или по международным вопросам, или же по философии, которую любил и которую преподавал несколько лет. Он жаждал активной пропагандистской работы, на которой мог бы развернуть свои творческие способности во всю силу. Даже в годы войны им было создано немало ценного, вдохновлявшего наш народ на борьбу с врагом... Но ...

«В пламени войны, - вспоминал Георгий Яковлевич, - погибли все мои архивные сбережения, личная библиотека – уникал в 20 тысяч томов, на которую я отдавал все свои средства, отказывая себе в самом необходимом. Эта библиотека – бесценное сокровище – погибла вместе с домом и горячо любимой мамочкой, расстрелянной фашистами за то, что она была матерью коммунистов. Все мои прежние документы погибли вместе с библиотекой и ценнейшими рукописями исследовательского характера (о пребывании Гоголя в Ржеве, история одного хора («Народная песня в Ржевском районе»), Пушкин в Старицком и Новоторжском уездах и др.»

По окончании войны, имея две медали, значок Ударника и другие более мелкие поощрения, Г.Я. Ходаков «с политотдельской работы (лектором политотдела и зав.научным кабинетом ВЭО-7 МПС) перешёл временно с октября 1945 года на педагогическую работу учителем средней школы в городе Станиславе (УССР, Иваново-Франковск, Западная Украина).

Здесь на одном из совещаний учителей и педагогов в городе Львове, на материалах известных фактов, используя своё оружие – стихи, высказал резкую сатиру в защиту коллектива Станиславских педагогов-железнодорожников (стихотворение «Станиславский педагог-железнодорожник»).

Это стихотворение и послужило поводом к исключению его из партии с тяжкими обвинениями весной 1946 года в антисоветском выступлении, с приклеиванием ярлыка фашиста или контрреволюционера за хранение на квартире немецкой, фашистской литературы, которую он использовал в своей пропагандистской, лекторской работе. «Трофейная» литература была привезена из города Нойштеттин (Германия) и состояла из ценной коллекции немецких книг по искусству, географии, языку, энциклопедии, а также альбомы с видами Германии и других стран Европы и мира, всего до 500 томов. Всё это было изъято (конфисковано) вместе с довольно значительной картошкой по русскому фольклору, в частности частушкам, русской фразеологии эпохи Отечественной войны, географии, иностранной терминологии, фамилиям политических деятелей мира и пр.

Ходакова ждали репрессии, ущемление в правах, клеймо «враг народа»... И только чудо спасло его.

Он находит в себе силы для восстановления доброго имени.

Из писем секретарю ЦК ВКП(б) т. Жданову А.А. и Генеральному прокурору СССР Горпенину: «Никогда ещё за всю мою сознательную более чем четвертьвековую общественно – политическую, педагогическую и партийную работу мне не приходилось сталкиваться с таким открытым нарушением основ нашей Конституции, пренебрежением к зафиксированным в ней

правам человека и гражданина СССР. Как педагог, журналист, работающий в области художественной литературы и научно-исследовательской, объективная деятельность которого всегда носила советский характер, я не должен с такой лёгкостью и примитивностью мановением только руки хотя бы и представителя местной парторганизации, превращаться в бесправного преступника.

Всю мою жизнь я руководствовался одним правилом: быть честным и правдивым, чего бы мне не стоило, и жить примерным человеком и гражданином своего Отечества, слугой народа, как коммунист».

В 1957 году Георгий Ходаков был восстановлен в партии, а в 1963-м полностью реабилитирован.

Годы скитаний...

Все послевоенные годы (вплоть до 1965 г.) Георгий Яковлевич продолжал очень большую преподавательскую деятельность.

1946-1947 гг. – Москва; 1947-49 гг. - пос. Итомля Ржевского района Калининской области; 1950-51 гг. - Вязники Владимирской области (учительский институт); 1952-58 гг. – пос. Териберка Мурманской области; Малоярославецкий район, Калужской области; ст. Касторная Курской области; 1958-1960 гг. - Тамбовская область Никифоровский район; 1960-1963 гг. - о. Сахалин (г. Поронайск)...

Из переписки 1952-1955 гг. пос. Териберка Мурманской области: «Сегодня опять мне предстоит проверка тетрадей трёх классов, а на неделе будут контрольные диктанты в девятых и классное сочинение в 10 классе.

По-прежнему недоволен своим 9-м классом, который меня плохо слушается. Но самочувствие у меня

хорошее и даже мелкие неприятности, о которых я писал, не испортили мне настроения.

Мальчики нашего класса организуют подарки девочкам своего класса, собирают деньги. Нужно и мне что-нибудь им подарить. Задумал я написать каждой стихотворение, но боюсь, что мне на это (и времени) не хватит.

Пришлось проверять уйму тетрадей и проверке их конца нет. Даже запустил составление поурочных планов (на два дня). Буду сегодня нагонять упущенное.

Впервые в этом году взялся за ознакомление всего класса с творчеством Толстого и других писателей не по учебнику, а по тексту. Так все учащиеся прочитали две сказки Щедрина («Премудрый пескарь» и «Коняга»). Заставил всех прочитать рассказ Толстого «Люцерн» о судьбе бродячего музыканта. По томам рассказал всем содержание романа «Война и мир».

По-прежнему выступаю с докладами. Позавчера сделал хорошую информацию о международном положении на политкружке. В ближайшие дни буду делать доклад о любви для старшеклассников. В школе в 9-ом классе открыл выставку жизни и творчества Л.Н. Толстого. На следующей неделе на литературном кружке мои десятиклассники выступят с художественным чтением отрывков из «Мёртвых душ» и покажут три сцены из поэмы.

Сегодня директор школы с трибуны конференции заявил по поводу меня, что облоно прислал ему неподходящего преподавателя, потому что он (т.е. «я») годится для высшей школы, а не для средней. Вот так штука... Опять не угодил...».

Ученики об учителе.

Из воспоминаний Т.А. Кукушкиной (филолог, выпускница ЛГУ 1961 года. Преподавала в школах Сахалина, в Ленинградском университете).

О. Сахалин г. Поронайск: «1961 год. В конце августа в зале местного Дома культуры проходила конференция учителей перед началом учебного года. На сцену поднялся невысокий человек с огненно яркими карими глазами. Поразила красота его короткой речи. Он говорил о художественном чтении самого учителя на уроках литературы и тут же прочитал «в лицах» басню Крылова «Ворона и лисица». Помню его голос – рочочущий баритон с глубокими, выразительными интонациями. Зал оживился. Это было в конце заседания, и не успел выступавший сойти со сцены, как около него столпились учителя. Подошла и я. Обратила внимание на его университетский значок. Разговорились. Оказалось, что мы выпускники одного университета. Г.Я. Ходаков – так звали моего нового знакомого, - сказал, что всегда будет рад помочь мне в работе.

Он полностью сдержал своё слово – стал моей главной опорой в тот первый рабочий год. Помогал мне постоянно, относился ко мне, как к дочери, как к младшему товарищу по работе. И посоветует, и подскажет, и направит, и остановит, да и накормит порой! Если бы не его дружеское плечо, мне было бы намного труднее вдаль от дома.

По городу о нём ходили легенды. Мои ученики, прослышав о его художественном чтении стихов, попросили пригласить на урок Георгия Яковлевича, и он в моём 10-м классе великолепно читал Маяковского.

В общении с ним сразу же чувствовалось, что Георгий Яковлевич очень талантлив – музыкально и литературно одарён, замечательно эрудирован... Память

его была удивительной. Он знал наизусть чуть ли не всю русскую классику. Ни у кого не встречала я такого выразительного, богатого и чистого русского языка. Его речь, образная и яркая, звучала как музыка. Но главное: у него было щедрое сердце и дар бескорыстного служения людям.

Многим этот человек казался Дон Кихотом, сошедшим со страниц книги. Он жил в мире любимых музыкальных и литературных образов. Но не уединялся в этом своём прекрасном мире, а изо всех сил старался строить гармоничный мир вокруг себя – строил его упорно, упрямо, не зная усталости. На моих глазах он строил его посреди хрущёвско-брежневской действительности.

Этот романтик не отрывался от жизни – наоборот, он всматривался в общественную жизнь и трезво оценивал те явления, которые проявились во времена Хрущёва и укрепились в последующие годы в эпоху Брежнева. Начиналось массовое спаивание населения, прежде всего молодёжи. Молодёжь втягивалась в алкоголь на глазах. Всё более явным становилось перерождение власти, её отчуждение, отрыв номенклатуры от народа, вседозволенность и произвол. Этих явлений нельзя было не заметить – их видели все, но противостояли им немногие. Георгий Яковлевич был одним из этих честных и мужественных людей. И он воспитывал нас, всюду окружавшую молодёжь, без всяких слов, одним своим отношением к жизни. Не думая о себе, он бросался в борьбу с общественной неправдой, писал, доказывал, искал справедливость и бросался защищать кого-то, спасать, помогать. Не раз приходилось слышать от него: «И в эту борьбу я тоже включился!» Вступался он и за меня.

Георгий Яковлевич был одним из правдоискателей того времени – людей сильных, независимо мыслящих, которые стремились оздоровить общественную жизнь. Однако им противостоял чётко определённый государственный курс (с последствиями которого стране предстояло встретиться через несколько десятилетий) и силы были неравны. Бороться приходилось не с ветряными мельницами, а с конкретными злоупотреблениями конкретных лиц. Нечего и говорить, что Георгий Яковлевич не вылезал из неприятностей. Всюду, где я его видела, он буквально обрастал ими. Из Поронайска, не смотря на свой авторитет и любовь учеников, он был через год уволен – переведён в школу посёлка Кошевой в глухом углу Поронайского района. За что? – За несогласие с алкогольно-водочным характером выпускного вечера. Были неприятности серьёзные – вплоть до исключения из партии за несогласие с курсом и своё мнение.

Говорят, что русский – это тот, кто любит Россию. К Георгию Яковлевичу эти слова относятся в полной мере. Он был кровно связан с родной землёй, собирал историю Тверского края. Карьеры мой учитель не сделал. Его блестящие дарования не были ни востребованы, ни достойно оценены. Но он пронёс через своё время чистую совесть и честное имя. Не кривил душой, не приспособлялся...

Кажется, он где-то рядом. Рядом, как голос совести, как душевный порыв, зовущий к свету».

О Г.Я. Ходакове рассказывают учащиеся вечерней школы рабочей молодёжи г. Поронайска. (остров Сахалин 1962 г.).

«Учебный год закончился. Учащиеся восьмых классов переведены в следующий – девятый. И в этом

есть результат труда такого чуткого педагога, как Г.Я. Ходаков.

Очень хорошо, когда одни и те же ученики слушают одного же преподавателя на протяжении ряда лет. От этого улучшается взаимопонимание между обеими сторонами, ученики привыкают к учителю, могут даже полюбить. Ведь у каждого в жизни был любимый учитель. Но когда учителей начинают перетасовывать как колоду карт, то тут ничего хорошего не жди.

Г.Я. Ходаков всегда на лето в отпуск на материк брал с собою всего лишь чемодан книг. Возвращался с ещё меньшим. Это к тому, что это говорит о характере человека, его складе.

Каждый учитель желает выпестовать своих учеников до конца. Когда они сдадут ему последний экзамен в 10-м классе и, попрощавшись, разъедутся, учитель получит новое поколение и оно станет ему также дорогим, как его прежние ученики.

Современная педагогическая практика показывает, что чем теснее контакт между педагогом и учениками, тем более плодотворней становится и атмосфера в классе. Это сказывается на улучшении качества преподавания учителем. На это, в частности, на плодотворной работе педагога, сказывается и отношение среди коллег-учителей, отношение ГОРОно к этому педагогу.

Г.Я. Ходаков преподавал в 8-х классах вечерней школы рабочей молодёжи литературу и историю. По призванию он литератор. Это его амплуа. Зная свой предмет досконально и сочетая это с серьёзнейшей и большой подготовкой к каждой теме, Г.Я. Ходаков очень живо и ярко проводит каждый из своих уроков. Мы, учащиеся 8-а и 8-б классов всегда хорошо

усваивали заданный урок. Даже так называемый «средний ученик», прослушав объяснения на уроке, мог не занимаясь дома, на следующем уроке толково изложить заданное. Так доходчиво объясняет товарищ Г.Я. Ходаков. На его уроках, кроме общепризнанных форм объяснений мы видим интересные схемы, рисунки на доске, слышим богатый пояснительный материал. Это говорит о кровной заинтересованности преподавателя в том, чтобы учащиеся наиболее полно и широко охватили тему урока, усвоили этот урок. В этом сказывается мастерство, выработанное многолетним, упорным трудом, направленным на воспитание молодого поколения, на благо нашей Родины. Мы, учащиеся бывших 8-ых классов, глубоко ценим труд и стремление Г.Я. Ходакова».

«Я в жизни терпел так много,
Но больше терпеть не хочу...»

Г. Ходаков (из поэмы «Залив
Терпения»).

Вершиной педагогической, общественной, пропагандистско-просветительской, музейно-краеведческой, научно-исследовательской, идейно-организационной деятельности Георгия Яковлевича Ходакова стал наш ежегодный Пушкинский праздник, фундаментальное основание которого было заложено великим подвижническим трудом этого человека. Это был момент наивысшего расцвета и проявления всех его душевных, нравственных, творческих и педагогических сил. Это была его самая счастливая, вдохновенная лебединая песня.

Из воспоминаний В.Ф. Кашковой - члена Союза писателей России, Заслуженного учителя школы, по-

чётного гражданина г. Торжка (Пушкинская экспедиция в Берново 1 — 10 июля 1967 г.).

«Главной нашей «пищей» стали впечатления! Георгий Яковлевич был увлечённым человеком, знавшим бездну всего — от истории и древней литературы, живописи, музыки до литературы того периода, который мы представляли весьма туманно: литературы начала XX века...

Мы удивлялись, как легко наш руководитель переходил с одной темы на другую, читал Пушкина, Баратынского, Гумилёва, Ахматову и опять Пушкина, вовлекая нас в беседу... Тогда я, может быть впервые почувствовала, что таких людей, - чуть чудаковатых с первого взгляда - надо беречь как редкое проявление высочайшей культуры и творческой активности...

...Я помню тот давний урок, который мягко, подоброму дал нам Георгий Яковлевич. Он помогал думать не только над каждым словом, но и над каждым знаком в письмах, над фразами, написанными по-французски...

...Разговаривая с нами по вечерам, Георгий Яковлевич сам отгаивал душой, видя в нас соратников - «своих» по духу, улавливал наш отклик, хотя порой мы не успевали усваивать лавину знаний, которую он обрушивал на нас. Но это был благодатный дождь...

...Георгий Ходаков занимался этими вопросами именно из-за глубокой любви к Пушкину. Он был человеком, который очень любил вообще «слово», а Пушкина особо. Его роль, кажется, не очень громкой, но именно так рождается любое большое дело. Это люди, беззаветно служащие своему любимому делу и увлекающие за собой других. Это было делом его души и всё было так ярко! Это был настоящий, великий подвижник!..

...Я кланяюсь памяти Г.Я. Ходакова, которому обязана своим крещением в Пушкинское краеведение: Пушкинская тема требует благословения!..

...В Пушкинведении я считаю его своим крёстным отцом...

...В июне 2006 года исполнилось 105 лет со дня рождения Г.Я. Ходакова. Невольно говорю как о живом человеке, редком по складу души, умевшем любить родную землю, уважать творческое горение в тех, с кем сводила его судьба на дорогах поисков и открытий, одаривать их сокровищами своих знаний...». Из книги «Рядом и далеко». 2008 г.

Пушкинское кольцо Верхневолжья...

Пушкинский заповедник...

Пушкинский музей в Берново...

Городской клуб краеведов....

Эти страницы нашей великой национальной истории навсегда останутся неразрывно, неотделимо связанными с именем Г.Я. Ходакова.

* * *

“Союз трёх муз - живопись, поэзия, музыка”:

(Воспоминания о встречах с Г.Я. Ходаковым в период с 1965 до середины 70-х годов (г. Калинин, Зелёный проезд, д. № 5, б-р Шмидта, д. № 47).

*Жиронкин Виктор Моисеевич,
художник, заведующий бутафорским
цехом ТЮЗа г. Твери*

“...Я хочу заняться историей, - говорил нам, молодым, при первых встречах Георгий Яковлевич

Ходаков. Я хочу создать клуб по интересам - "содружество трёх муз". Каждый создаёт то, что хочет, занимается тем, чем нравится".

"Союз трёх муз" - это живопись, поэзия, музыка. Он предложил: ты будешь заниматься пушкинской темой, всё о поэзии...; ты будешь петь (играть), собирать материалы и рассказывать всё о певцах, музыкантах, артистах...; ты - всё о художниках...

У нас были такие встречи. Встречались на разных квартирах, готовились. Хотя девчонки относились к этому несколько инфантильно, мы с Колей Малиновским стали покупать и собирать литературу. Брали именно с него заразительный пример: он пробудил вкус, здоровый интерес к хорошим певцам, дирижёрам, пианистам, музыкантам. Мы узнали много нового о литературе, о Борисе Пильняке ("Свет угасшей звезды"), познакомились с творчеством С.М. Панфёрова, В. Замятина. Он очень много рассказывал о литературе, просто зачитывал нам большими кусками в лицах отрывки из произведений писателей и поэтов. Читал наизусть поэму Маяковского "Хорошо". Это было очень интересно! Это было так увлекательно - слушать его! Он давал нам такой заряд бодрости!

Георгий Яковлевич помогал заниматься нам по русскому, по литературе. Он учил нас, как нужно работать со словом. Так, как он занимался, с нами никто никогда в школе не занимался.

Чувствовалось: человек задыхался, ему не было выхода, возможности общения с людьми, особенно с молодёжью... Он так много знал то, чего нет в учебниках.

Наш клуб музыкальный, а Георгий Яковлевич рассказывал больше о литературе. Ему очень много

хотелось рассказать, была жажда общения, стремление передать энциклопедические знания...

Такое нелегкое было время (конец 60-х - начало 70-х годов). Георгий Яковлевич не вписывался ни в какие рамки, был антиподом, жил в своей теме - донести до других свет знаний, просветить, открыть, разбудить...

Он был романтик-революционер, как Павка Корчагин. Но его окружала стена, невозможно было ни к кому пробиться, глухой “забор”, общественный застой...

Несмотря на то, что его “долбили”, принимали за дурака, за чудака, до мозга костей верил, что у нас будет всё хорошо.

Он много и глубоко «копал», много открывал, а ему не давали говорить, заставляли молчать, травили, клеветали на него, угрожали, распускали слухи и сплетни...

Он был безсеребренником...

Мне тогда думалось (в 1965-м году) – неужели это время так и будет длиться без просвета? В 1971—72 гг. я познакомился с творчеством С.М. Панфёрова, Б. Окуджавы, песни которого мы сами находили, приносили, переписывали и слушали записи.

Приобретя книжку (а найти и купить тогда хорошую книгу было делом очень непростым - сродни подвигу), он приходил радостный и делился этой радостью с нами: “Я сегодня купил две книжки”, или “Вот, я пропил, пропьянствовал - истратил деньги на хорошую книгу...”.

Георгий Яковлевич очень радовался появлению памятника А.С. Пушкину в горсаду, был очень счастлив такому увековечиванию памяти поэта. Он рисовал Пушкинскую карту цветными карандашами: Берново,

Павловское, Малинники... Всё это и сейчас у меня в памяти перед глазами...

С Пьяновым отношения были напряжёнными, накалёнными. Приходит он (Георгий Яковлевич) однажды и говорит мне: «Понимаешь, написал хорошую статью, как я думал и хотел опубликовать. Пьянов забирает себе и выдаёт за свою...».

Он был очень расстроен... Случилось это примерно летом 1966 года. Он написал в редакцию «Смены» Пьянову, с просьбой выписать газету «Ржевская правда», а тот ему не разрешил.

В Твери жили репрессированные московские искусствоведы - Елена Николаевна Галядкина с мужем (муж — известный художник, график). Жили очень замкнуто. Георгий Яковлевич часто навещал их.

Георгий Яковлевич был очень закалённым человеком. Даже в тридцатиградусные морозы и ниже он ходил по городу в одних трусах и сандалиях... Он говорил: «Мне жарко, я не могу быть одетым, слишком тепло».

Каждый из нас пошёл своей дорогой. Я поступил в Москве в школу-студию МХАТ. Помню ещё Таню Лепёшкину — она жила в соседнем подъезде и часто приходила к Георгию Яковлевичу, готовилась в университет. Работала впоследствии в драматическом театре, шила декорации. Сейчас живёт в «Юности».

Георгий Яковлевич очень радовался и гордился нами, когда мы стали студентами высших учебных заведений.

Он был персональный пенсионер Союзного значения!

Себя считал «знаменем оратора» (говорил: «я - ленинец»).

Я до сих пор его вспоминаю с большим уважением. Это человек, который очень мне дорог и которого я буду вспоминать всю жизнь.

Таня Лепёшкина работала в драмтеатре в последнее время на вахте. Её должна знать Вика из бутафорско-декорационного цеха.

Малиновский Вадим Евгеньевич — в пос. Чкалово (микрорайон «Южный») живёт его сестра — Елена.

Вот таким наставником был для меня Г.Я. Ходаков.

* * * *

Ровесник века

(воспоминании Л.П. Гладковской)

*Людмила Петровна Гладковская,
инженер-конструктор, близкий друг семьи
Ходаковых, известный в Твери автор и
исполнитель самодельных песен*

5 июня 2006 года исполнилось 105 лет со дня рождения тверского краеведа, филолога, литератора, просто уникального человека с интересной, но очень трудной судьбой, чьё имя сегодня незаслуженно забыто — это Георгий Яковлевич Ходаков.

В начале 70-х годов прошлого столетия в окрестностях бульвара Шмидта (где жил тогда Георгий Яковлевич), что в ближнем Заволжье города Твери, ходили слухи и целые легенды о немолодом уже мужчине, который в 30-ти градусный мороз ходил по улицам голый, не считая «семейных» сатиновых трусов до колен, да сандалий на босу ногу. И обязательно — тёплые перчатки (руки-то мёрзнут). При этом он всегда неизменно катил перед собой детскую коляску с

младенцем. Это была его прогулка с младшим сыном. На вопросы прохожих, почему он без верхней одежды, отвечал: «Нужно закаляться — дети-то ещё очень маленькие, и необходимо успеть их поднять и поставить на ноги». И, тем не менее не все одинаково с пониманием относились к этому факту — находились и такие, которые обращались с жалобами в милицию, т. к. «он портил внешний вид улицы». А нужно было действительно ещё очень много успеть в этой жизни, т.к. слишком много времени было потеряно в молодости. Будучи учителем русского языка и литературы, Георгий Яковлевич боролся за права учителей своим оружием — пером, за что и пострадал во время сталинских репрессий. Но тридцать лет ссылки на Сахалин не сломали этого человека. Он не озлобился, не сломался, а, вернувшись в родные края, решил начать жизнь сначала, с нуля. Женится на молодой женщине и «родил» двух сыновей. И уже в третий раз начал собирать домашнюю библиотеку, что было мечтой всей его жизни. К концу жизни он имел уже в своём собрании три тысячи томов — Калининское общество книголюбов в 1977 году выпустило листовку с её описанием. Как рассказывал Георгий Яковлевич, первая библиотека, доставшаяся от отца, была национализирована и во время Великой Отечественной сожжена гитлеровцами в Ржеве, где жил и работал до войны Георгий Яковлевич. При этом была расстреляна его мать, которая пыталась заслонить собой вход в комнату, где были книги. Вторая трофейная библиотека Георгия Ходакова, привезённая в годы войны из Германии, была конфискована во время сталинских репрессий.

Георгий Яковлевич оставил огромное наследие по краеведению и литературе. Его поэтический материал создавался в течение сорока лет. В том числе и

великое множество стихов. Они были всюду — на отдельных листах, даже между страницами книг, но, не собраны воедино. Я иногда говорила, что хорошо бы Вам их все собрать да отпечатать, хотя бы вручную на машинке, и чтобы они лежали все вместе. А он отвечал, махнув рукой: «Да кто же это будет делать?». Я как-то пару раз робко предложила свои услуги, имея очень ограниченные способности по печатанию (одним пальцем). И добавляла: «Хотя бы избранное». Он каждый раз категорически отказывался, щадя моё время. Когда я предложила свою помощь в третий раз, и он не отказался, а согласился довольно охотно, я всё поняла, заметив коварную желтизну в лице... У меня оставалось очень мало времени. Как сказал доктор, который его оперировал — два - два с половиной месяца. Мне надо было очень спешить, чтобы успеть подарить ему книгу при жизни. Георгий Яковлевич отобрал девяносто своих стихотворений, куда вошли, помимо военной лирики, сонеты, шаржи. Я надеялась, что расположит их в нужной последовательности он сам. Но это он уже не смог... Мне пришлось располагать их в книге по своему усмотрению.

И всё же мне довелось, с Божией помощью, всё успеть напечатать и даже переплести, успеть вручить Георгию Яковлевичу его книгу, когда он был ещё в сознании, хоть и очень слаб. Когда Георгий Яковлевич прижал книгу к своей груди, нечаянно слеза сорвалась с его глаз. Это был самый счастливый момент и в моей жизни. Придерживая его слабую руку своей рукой, я помогла ему сделать первый и последний автограф на книге...

Родился Георгий Яковлевич в 1901 году в Москве, закончил МГУ, затем аспирантуру при филологическом факультете Ленинградского университета. Работал

преподавателем русского языка и литературы, заведующим рукописным отделом Государственного литературного музея г. Москвы. Публиковался в периодической печати с 1919 года. Позднее вернувшись в Ржев, был литературным секретарём при Ржевской литературной газете.

В 1933 году совместно с И.Г. Гавриловым издал в Смоленске учебник для четвёртого класса «Грамматика русского языка». Был участником Великой Отечественной Войны. По возвращении на Тверскую землю в 60-е годы поселился в г. Калинин. Стал видным библиофилом, известным краеведом. В 1965 году назначен научным руководителем комплексной экспедиции по изучению и описанию мест Тверской области, связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина.

Очень интересовался поэзией. Написал большое количество стихотворений. Имел сорокалетний опыт создания стихов (которые, впрочем, нигде не пытался опубликовать).

Мне посчастливилось познакомиться с этим неординарным человеком благодаря моему младшему брату. Было это вначале лета 1975 года. Брат работал тогда фотографом в фотоателье на бульваре Шмидта, а Георгий Яковлевич устроился к нему напарником — выписывать квитанции и выдавать клиентам готовые снимки - подработать на пенсии. Как-то брат приболел и попросил позвонить на работу, предупредить, чтобы его не ждали. Мне ответил очень вежливый мужской голос и поблагодарил за предупреждение. А вечером к нам постучали, и на пороге появился незнакомый мужчина совершенно необычной наружности. Был он невысокого роста, но очень крепко, плотно сложенный, лысый, несмотря на прохладный день - в лёгкой

рубашке-тенниске. За руку он держал маленького мальчика Володю... «А мы навесить Борю», - последовало разъяснение. «Вот, зашёл после работы за сыном в садик — и сразу к Вам». «Милости просим, проходите», - ответила я и сразу стала собирать на стол. Когда сели поужинать, я с извинениями стала говорить, что, к сожалению, ничего не могу предложить для согревания, т.к. спиртного мы дома не держим. Это его очень обрадовало и даже вдохновило прочесть свою поэму «О молоке», написанную не без юмора, но и носящую воспитательный характер. Так мы узнали, что сотрудник моего брата ещё и стихи пишет. Мы просили его почитать что-нибудь ещё и ещё. Получился прекрасный литературно-музыкальный вечер. Да, музыкальный тоже, потому что я за компанию исполнила тогда несколько песен под гитару. А потом мы все пели хором. Одно из стихотворений Георгия Яковлевича меня впечатлило особенно. Это исповедь «Мимо!» По моей просьбе он записал его на листке бумаги. А спустя некоторое время у Георгия Яковлевича был 75-летний юбилей, и мы с братом получили приглашение. За несколько дней до этого записанное Георгием Яковлевичем стихотворение как-то само легло на музыку, и я с большой радостью готовилась преподнести песню в качестве подарка. Это был мой первый опыт создания авторской песни.

Георгий Яковлевич ушёл от нас в мае 1978 года. Я всё ловила себя на мысли: «Почему же так и всё одному человеку — такая тяжёлая жизнь и не менее тяжёлая смерть?».

Из больницы после операции Георгий Яковлевич не мог быть отправлен умирать домой (где и стены помогают легче пережить все свалившиеся тяготы). Жена его в это время находилась на лечении в

стационаре, дети — в интернате. Немногочисленные родственники тоже не могли помочь. Отправлен он был в Городню в пансионат для бездомных. Там он вскоре и скончался. Организацию более чем скромных похорон взяли на себя мы с его другом - художником, который меня научил как по трафарету нанести краской надпись на ленту для венка. Гроб с телом Георгия Яковлевича везли на лошади, запряжённой в телегу, к месту погребения. За ним следовало человек пять родственников.

Прошло порядка трёх десятков лет с того скорбного дня. Но хочется верить, что эта трудная жизнь прожита не зря. Что его великий труд со временем будет оценён по достоинству, и потомки с гордостью будут вспоминать имя своего земляка-тверитянина Георгия Яковлевича Ходакова.

* * * *

«Литературно-поэтическое творчество Г.Я. Ходакова»

*Владимир Георгиевич Ходаков, зав. сектором
библиотеки-филиала № 1 им. П.А Кропоткина
МУК «МБС г. Твери»*

Творчество Г.Я. Ходакова очень широко и разнообразно.

Важно отметить, что всё, о чём писал Георгий Яковлевич, актуально и востребовано и по сей день. Человек-эпоха, которому в 2001 году исполнилось бы 100 лет, сам был свидетелем и непосредственным участником многих событий. В его творчестве многосторонне отражены в той или иной мере все исто-

рические катаклизмы и трагические события XX века. Во многом именно поэтому нам, ныне живущим так важно почувствовать глазами очевидца дыхание той эпохи, снова пережить человеческую боль или радость от всего того, что происходило в то время в России, в мире. Георгий Яковлевич собрал редкий по своей исторической значимости материал о Великой Отечественной войне, и это, думается, оставит неизгладимый след в изучении истории войны. Им были использованы записи солдат - участников битв подо Ржевом - оставленные ими на перилах, карнизах и стенах беседки, возведенной бойцами Красной Армии на месте разрушенной часовни. В своей работе "Волга - русская река" он пишет: "Тема всех записей - выявление глубокого патриотизма, любви к Волге как особенно дорогой реликвии нашей Родины. Эта тема переплетается с темой войны и борьбы с захватчиками до полной победы".

В этом сказалась его нравственная позиция, его глубокое уважение к "народу, так бесхитростно, многогранно и глубоко показавшему свою любовь, свое большое сердце".

Это живая летопись войны, в которой звучат голоса участников смертельных боев подо Ржевом. Низкий поклон Г.Я. Ходакову за проявленный им интерес к судьбам этих людей.

Он проявлял глубокий интерес к народному быту, к истории родного края, к красоте природы и судьбам людей. И все свои впечатления выражал в том или ином жанре. Творческий процесс любого деятеля культуры — явление сложное и неоднозначное. Но Г.Я.Ходакова всегда отличало глубокое осознание того, о чем он писал. Понимая и зная силу слова, старался точно выразить свои мысли, смело используя богатство

русской лексики и литературные средства. В этом смысле палитра его пера весьма красочна и разнообразна.

Несмотря на многообразие мотивов в поэзии Г.Я. Ходакова, представляется возможным выделить доминирующие, которые во многом отражают мировоззрение поэта, его поэтический мир и духовные искания, эстетические особенности, устремления и нравственные идеалы и ориентиры. Душа поэта - это некий инструмент, умеющий не только воспринимать окружающий мир, реагировать на него, находить гармонию, но и творчески пережив, воплотить в преображенном поэтическом творении все свои душевные чаяния и мечты. Не всегда и не всем поэтам это удается в полной мере. Не всегда это удается и Г. Ходакову. Иногда он впадает в декларации, в излишнюю риторику. Но за всем этим стоит чуткая, отзывчивая, трепещущая душа поэта, которая переживает и как личные, творческие неудачи, так и трагические события, происходящие в России. В его стихах оживает та эпоха, в которой он жил, не только со всеми неурядицами, пропагандистскими лозунгами и идеями, но и со всем ее трагизмом, мужеством и патриотизмом народа в тяжелые годы испытаний. Не всегда пафос его стихотворных произведений оправдан и выражает истинное настроение людей, живших в то время. Но в искренности и исповедальности его поэзии можно не сомневаться.

В поэзии Г. Ходакова встречаются элегические мотивы, своими корнями вышедшие из романтического литературного течения. В этих стихотворениях, насквозь пронизанных грустью, печалью, автор выражает свое мироощущение, свое понимание человеческой жизни во всех проявлениях счастья, дружбы, добра,

красоты. К характерным произведениям подобного рода можно отнести такие стихотворения, как "Лебедь", "Друзей, врагов, оракулов судьбы..." и др.

Вершиной его поэтического мастерства, является стихотворение "Друзей, врагов, оракулов судьбы...", написанное поэтом в последний год жизни, когда, по его словам, "поток стихов уже стал угасать". В этом стихотворении подводится главный итог жизни. Здесь звучит элегический мотив одиночества, мотив страданий уставшей души, мотив обмана и предательства друзей, врагов и всех прочих людей. Но так же выразительно звучат мотивы веры в свои силы и благодарности всем, кто доставил ему скорбь и страдания, которые помогли укрепить свою душу в борьбе с обстоятельствами, выстоять и в конце концов даже обрести любовь и женскую верность в награду за все перенесенные испытания. Мотив любви здесь звучит как итоговый, суммирующий все остальные мотивы. У Г. Ходакова мотив благодарности обращен сразу к конкретным образам живых людей, а потом и к самой жизни, где лирический герой видит себя осколком "вдребезги разбитого,, сосуда:

Друзей, врагов, оракулов судьбы
Благодарю за долгий век скитаний,
За пытку-жизнь, пародию борьбы,
За столько лет бесплодных ожиданий.

Следуя романтическим традициям, поэт описывает страдания лирического героя, т.е. возникает образ затравленного волка как символ человека, задавленного жизнью. Его образная система богата различными художественными средствами: меткими эпитетами, сравнениями, метафорами и яркими поэти-

ческими образами. Так, в данном стихотворении встречаются эпитеты, несущие смысловую нагрузку: "затравленным (волком)", "разбитым (осколком)", "долгий (век скитаний)", "новой (жертвы дани)", "мирный (зов трубы)"; метафорические сравнения: "пытка-жизнь", "в годы мира жил, как на войне"; усложненное сравнение человеческой судьбы с "сосудом вдребезги разбитого осколком", а "осколок тот - клинок острее жала". Очень удачно поэт употребляет архаизм: "оракулы судьбы", что приближает его к классическим образам, раздвигая временные рамки. Следуя задачам избранной формы сонета, в заключительной строфе звучит философское обобщение, замысла стихотворения, высокий пафос победы лирического героя, надежды на истинную любовь и возможность счастья, жизнеутверждения:

...Осколок тот, клинок острее жала,
Подняв, ты к сердцу своему прижала.

Последние две строчки звучат неожиданно и убедительно. Стихотворение Г. Ходакова об истинных переживаниях его героя и о вечных, непреходящих ценностях. Лирический герой вышел победителем из тяжелого сражения со многими превратностями судьбы.

Это стихотворение (этот сонет) автобиографичен; чувствуется тонкая лирическая интонация, и потому оно имеет сильное эмоциональное воздействие на читателя, поэтому возможно сравнение его с великими образцами поэзии.

В нем суровая и жестокая действительность мастерски передана автором с помощью высоких художественных выразительных средств. Здесь мысль поэта умещается в жестких рамках сонета, в 14

строчках. В контексте данного стихотворения можно выявить очень яркие поэтические образы: это не просто удачный подбор метафор, эпитетов и других элементов художественной выразительности, это образы, несущие на себе след глубоких философских размышлений о жизни, о судьбе человека, о времени и о себе. Поэтому меткие метафоры, как "пытка - жизнь" или "за столько лет бесплодных ожиданий", "когда они вставали на дыбы и требовали новой жертвы дани", "в огне, крови, в горниле испытаний", звучат как приговор той эпохе, в которую жил поэт, и которую он испытал на себе т.е. это горький опыт собственной жизни. Это стихотворение можно назвать квинтэссенцией, его творческим кредо. Таким образом, мотив жизнеутверждения, любви и веры в ее победу выводит это стихотворение из раздела обыденных (обыкновенных) в некую поэтическую установку и философскую категорию.

Это стихотворение - талантливое, яркое. И кто знает, может, именно оно станет достоянием широкой читательской аудитории.

В стихотворении «Лебедь» поэт в метафорической форме пытается найти в природе отклик на грустные размышления лирического героя о своей несчастной судьбе, о своем одиночестве, разлуке с любимым человеком. Эти раздумья автор обращает к лебедю, олицетворяя его с человеком, наделяя способностью понимать все то, что ощущает герой. Стихотворение построено как переключка вопросов и утвердительных ответов:

Что застыла сиротливо,
Лебедь белая моя?
Размышляешь над судьбою
В этот грустный, тихий час?

И одно у нас с тобою
Одиночество сейчас.

Несомненно, Г. Ходаков следует лермонтовской традиции, но он шире разворачивает монолог, обращенный к предмету его внимания — к лебедю:

Размышляешь над судьбою
В этот грустный, тихий час?
И одно у нас с тобою
Одиночество сейчас
Нежат в сердце песен звуки.
Юность светлую твою?
С милым в долгой ли разлуке?
Потеряла ли семью? ...

Метафорический психологизм, который применяет в данном стихотворении Г. Ходаков позволяет более поэтично выразить размышления его лирического героя. Чтобы ярче подчеркнуть элегические мотивы этого произведения, поэт пользуется анафорой, дважды употребляет слово, корень которого "грусть": в начале это эпитет "грустный", затем - глагол "погрустить"; слово "счастье" в контексте стихотворения используется в положительном и отрицательном значении:

Может быть, большое счастье
Мы с тобой еще найдем.

Здесь "счастье" употребляется с эпитетом "большое", т.е. поэт подчеркивает возможность исполнения его мечты.

В следующей строфе слово "счастье" дается без эпитета, но уже звучит нота безнадежности, и потому

ощущается предрекание трагического конца и для лебедя и для лирического героя:

Если ж счастье не воскреснет,
Не возвратны те года, -
Мы споем с тобою песню
Лебединую тогда.

В этом стихотворении мы можем увидеть и романтические тенденции, существующие в русской лирике: это и экзотическая природа, и уединение лирического героя, его одиночество, поиски понимания, отклика и гармонии в окружающем пейзаже.

Создавая лирические откровения, автор все-таки большее предпочтение отдает форме сонета. В сонетах Г.Я. Ходакова наиболее ярко выразилась его поэтическая одаренность. Форма сонета избрана автором не случайно. Это классическая форма, жестко закрепленная в 14 строчках, как правило, содержит в себе глубокое философское осмысление, а в конце заключена квинтэссенция авторского замысла. И при этом она должна быть афористичной и ёмкой, очень образной и выразительной.

В одном из сонетов автор называет форму сонета "суровым срубом в четырнадцать венцов" (сонет "Не тонкое девичье рукоделье"). Здесь ярко выражен мотив отношения поэта к поэзии. Автор говорит о том, чем для него стал сонет, а именно: "надежный щит от праздности тлетворной", "святая келья сердца - мой сонет".

В таких произведениях отражены и автобиографические черты и личные переживания:

Мне стал и чувств, и мыслей колыбелью
Разрушенный очаг моих отцов.

И эти слова звучат горько, почти трагично, в них отражено мироощущение его героя. Трагизм в данном случае доходит до высшей точки своего накала в строке:

Мне кладбище сегодня - новоселье.
Мне стал и чувств, и мыслей колыбелью
Разрушенный очаг моих отцов.

Антитеза употребленная автором, содержится на протяжении всего произведения, начиная с первой строчки:

Не тонкое девичье рукоделье,
Не дело рук рабочих молодцов...

Видимо, сама сущность сонета очень близка мятущейся, тоскующей, одинокой душе автора. Лирический герой ищет возможности выплеснуть волну чувств и переживаний и обрести в "поэзии единственную келью - суровый сруб в четырнадцать венцов". Это свидетельствует о том, насколько форма сонета является для автора близкой для самовыражения.

В сонете нет метафор, но широко используются эпитеты, дающие эмоциональную и смысловую окраску всему стихотворному произведению: "тонкое девичье рукоделье", "разрушенный очаг", "суровый сруб", "ни режущей тоске", "ни жалобе пустой", "надежный щит", "праздности тлетворной", "фантазии узорной", "святая келья сердца".

Сонет не только передает душевную боль, взволнованность, поэтическую сущность самого автора, хотя в этом есть несомненная творческая находка автора, его

мастерство, но имеет и более широкое подлинное значение. Через личные переживания в сонете находит отражение время, в которое жил поэт – с его коллизиями и катаклизмами, с бурными социальными процессами.

Нам важно понять ту эпоху, то время, в которые жил Г. Ходаков, и которую он в силу своих возможностей попытался отразить в своем творчестве. Все, что его окружало, находило отклик в его душе и отражение в его поэзии. И надо отметить, что он был честен перед собой и не пытался подстраиваться под эпоху или подстраивать эпоху под свою личность. Его стихи, его сонеты - это некая призма, через которую высвечиваются основные вехи истории России, народа. В этом заключается их актуальность, т.к. многое из пережитого в прошлые годы созвучно нашему времени. Необходимо также отметить очень важную особенность творчества Г. Ходакова. Самые трагические события в жизни страны или его личной судьбе находят в его душе творческий отклик и взлет поэтического таланта. Много произведений посвящено войне. Так возникают в его поэзии мотивы мира и войны, мотивы борьбы добра и зла.

Тема войны раскрыта в сонете-тетраптихе «Ржев».

Каждая часть сонета-тетраптиха, кроме последней, датирована. Судя по указанным датам, тетраптих создавался долгие годы войны. В первой части (дано уточнение даты - перед войной) описана мирная радостная жизнь небольшого городка Ржева. Обрисовывая ландшафт города, автор дал примечательные, характерные черты одного из множества приволжских городов.

В этих стихах светлая, радостная картина

довоенной жизни в небольшом городе. Поэт широко использует поэтические выразительные приемы. Здесь мы встретим метафорические и метонимические сравнения, такие как:

...Широким поясом большой реки
Ты был легко и ласково охвачен»
Глядели в воду домики и дачи
Белели колокольни - маяки...

Эпитеты "широким поясом", "крутой, нагорной стороны", "безоблачное небо" создают безграничные рамки картины жизни, а сравнение "колокольни - маяки" будто озвучивает эту картину.

Поэт умело и мастерски вводит читателя в мирную жизнь небольшого города и прославляет мир на земле. На это указывает дата - 1941 (перед войной). И заключительные строки звучат жизнеутверждающе:

И миру мир от неба до земли
Никто тогда нарушить был не вправе.

Вторая часть тетраптиха обозначена 1943-м годом. То есть уже после тех страшных военных событий, после битвы с фашистами. Известно из истории, что битва подо Ржевом была жестокой, много наших солдат полегло на полях подо Ржевом.

Поскольку детство Г. Ходакова прошло в Ржеве, с ним связано и все самое дорогое, что хранится в памяти почти всю жизнь. И потому строки сонета о разрушенном городе полны особенной боли, скорби и горечи.

В сонете описаны все разрушения, показана бесчеловечность войны, ее зверская сущность:

На улицах - бурьян и пустота
И под бурьяном - трубы, как огарки».

Чтобы показать страшные картины разрушения, поэт широко использует разные выразительные художественные средства, такие как сравнения, эпитеты, метафоры: «где глядели в воду домики и дачи», «сады благоухали и цвели» (в первой части), «дома исчезли, вырублены парки», «вот из воды, как позвонки хребта, торчат моста искромсанные арки».

Последняя метафора обладает такой художественной силой воздействия, что в целом нарисованная поэтом картина разрушенного города особенно вызывает боль в сердце и не оставляет читателя равнодушным

В третьей части тетраптиха (1944 год) звучит риторический апофеоз жизнеутверждающей картины труда и возрождения после боев, хотя военное время еще не окончено:

А город вновь живет, горяч и строг...
Домики...
Возникли всюду, манят за порог,
Кричат о стройке топоры, плакаты,
Ажур моста, столбцы газетных строк...

И снова удачные метафоры живописно, ярко описывают картину восстановления разрушенного города.

В заключительной четвертой части тетраптиха «Так будет» - продолжение темы победы мира, труда, но уже в мирное время, над разрушениями, оставленными войной:

Следы ее, как тень дурного сна,
Труд уничтожит, не оставив тени.

Но здесь уже появляется надежда на весну, на светлое будущее:

Вернутся в город радость и весна,
Чертоги станут краше, драгоценней,
И будет вновь просторна и ясна
Дорога жизни новых поколений.

В этих строках заложена истинная, не придуманная вера в лучшее и светлое завтра. И мы верим поэту, когда он говорит о том, что лучшим памятником погибшим воинам в битве за Ржев, будет «прекрасный новый Ржев», который «построят люди».

Таким образом, сонет - тетраптих Г. Ходакова звучит как гимн народу-победителю, одолевшему в этой страшной схватке фашистских оккупантов.

Знаковым в этом смысле является стихотворение «Стезя войны». В нем звучит высокая, трагическая нота военной темы, отражающая тяготы и разрушения войны. Но в то же время звучит и оптимистическое утверждение неременной победы над врагом. Слово «стезя» - архаизм, употребленный поэтом для усиления эмоционального воздействия, т.е. оно здесь замыкается на философской обобщенной мысли о предизбранности этого пути свыше. Потому и само стихотворение заключает в себе пафос утверждения мира, несмотря на трагический поворот судьбы.

Мотив скорби народной, необходимости его сплочения и на фронте, и в тылу, мотив патриотизма, любви к Родине звучит в этом произведении. Здесь

автор возвышенно говорит о бессмертии погибших, о женском предназначении быть верным по отношению к изувеченным войной и хранить память о погибших. Здесь автор, чтобы показать могучую силу нашей армии, использует такое сравнение, как: «Идут бойцы несокрушимой лавой». И как бы показана эта стезя. Автор рисует те картины, которые видят бойцы, идущие по разоренному врагами родному краю:

.... Деревня за рекою.
Бурьян. Зола. Кирпичные столбы.
На всем печать забвенья и покоя.
И отпечаток муки и борьбы...

В этом стихотворении автор видит свою роль в том, чтобы призвать всех к единению, к отмщению, возмездию врагам за то варварство и жестокость, что показали они на русской земле. Стихотворение написано в форме наказа, наставления, поучения:

Пути войны, Священной клятвой мести,
Отчизны кровью объединены,
Еще тесней идут к победе вместе
И тыл и фронт дорогою войны.

Во второй части звучит мотив смерти и бессмертия, призыв бесстрашно отдать жизнь за Отчизну и остаться с нею навсегда в вечности, несмотря на то, что «мы смертны все...»:

Но за нее борясь и умирая,
Мы никогда с Отчизной не умрем.

Жизнеутверждающий пафос стихотворения

понятен и объясним тем что написано стихотворение во время войны, когда исход войны еще волновал сердца людей и не был до конца предопределен.

Есть еще ряд стихотворений, связанных с мотивом войны: «Наша Армия», «Орлы», «Тотальные резервы» (в виде памфлета), «Марш ВЭО», «Советский Клин» и другие, а также стихотворения, посвященные труду в тылу во время войны.

Финальным стихотворением в цикле стихов, посвященных войне, является «День Победы». В этом произведении повторяются мотивы предыдущих стихов о войне, т.е. скорби по погибшим, по разрушенным домам, вместо которых стоят «землянки», но одновременно и радость окончания войны, радость победы над врагом. Поэт говорит о той цене, которой оплачена победа:

Какой нечеловеческой ценой
Был куплен мир желанный в день Победы

И поэт взывает к памяти людской:

Кто вспомнит хоть на миг тревогу ту,
Потерю равновесия от крена
И наводящий дрожь и тошноту,
Как волчий вой, тоскливый зов сирены?

Детали военной жизни поэт выписывает очень лаконично и скупо, но тем не менее они находят отклик в душе читателя. Страдания, пережитые лирическим героем, велики так, что у поэта рождается риторический вопрос, на который нет ответа:

Комок страданий все растет в груди.

Все претерпеть? Не лучше ль не родиться?

И вместо ответа слышится радостный вздох
облегченья:

Как хорошо, что это позади
И не имеет право возвратиться!

Прошедший ужас войны, как дурной сон, которому нет возврата. Радость мира не загораживает от поэта возможности возврата войны, если не сейчас, то в грядущие времена, поэтому предостерегающе звучат слова; он говорит о войне холодной, и потому этот мир «еще не завоеван прочно». Как человек, выросший в эпоху социализма, ленинских идей коммунизма, он вводит иногда декларации по поводу победы этих идей во всем мире. В этом нельзя обвинять поэта, ибо он сын своего времени, советской эпохи. В последнем четверостишии звучит декларация, свойственная советской пропаганде, но в то же время утверждается чисто человеческая радость и вера в светлое будущее:

Да справит вся земля веселый пир,
И скажут внуки детям: «Наши деды
Всем принесли народам прочный мир,
Вот почему нам дорог День Победы.

В творчестве Г. Ходакова, безусловно, ведущим мотивом является мотив войны, но есть и другие мотивы: мотивы Родины, судьбы человека или судьбы женщины, любовные мотивы, а также мотив природы и окружающего мира во всем многообразии. В других поэтических мотивах раскрывается его духовная и человеческая сущность, его мировоззрение, его

морально-нравственные ориентиры.

Так, в стихотворении «Родина» дан образ Руси православной с ее бескрайними просторами, старинными обрядами, богатырской доблестью; «ненавистью к ворогу», безудержным весельем «свадебные песенки» и неизбывным горем - «плачи погребальные». Может быть, в смысле поэтического мастерства в этом стихотворении есть философское осмысление образа Родины во всех его материальных и духовных проявлениях, данное во времени и пространстве, и которое кажется очень убедительным и верным.

Мотив Родины развивается в патетическом плане и выдерживается до конца. Это патетика, вызванная чувством патриотизма (в хорошем смысле слова). Патриотизм искренний, а взволнованность передается прежде всего обращением. Все содержание замыкается словом «Родина»:

Принимаю Родину... и в конце:
...желанная...дорогая Родина!

Создается законченность, замкнутость.

Многообразие эпитетов создают образ «дорогой Родины»: «ненаглядная», «желанная», «любимая». И это делает образ Родины одухотворенным лицом.

Образ «родины» создается перечислением ее богатств: «дали неоглядные», «пропасти бездонные», «церкви многоглавые», «рощи соловьиные», «свадебные песенки», «плачи погребальные».

Это не абстрактный образ, а конкретный: Русь. И лирический герой - русский человек, с искренней радостью...

В некоторых стихотворениях Г. Ходакова звучат любовные мотивы. Любовная лирика поэта включает в

себя и мотивы ожидания, встречи, грусти расставаний и разлук, печали и даже отчаяния, и мотивы верности, горькие размышления о непостоянстве человеческих чувств. Так в стихотворении «Поскорей кончайся, ночь...» даны переживания лирического героя вдали от любимой в ожидании письма, долгожданных слов; «от которых сердце тает и кружится голова» и которые он называет «голуби - слова», окрыляющие его душу. Но в другом стихотворении он уже говорит о противоположных чувствах, вызванных словами любимой женщины. Обращаясь к ней, поэт горестно вопрошает: «Где вы, дружбы светлой узы?». И тут же подводит итог случившегося с ним несчастья:

От нее лишь черный след.
Ни товарища, ни музыки,
Никого на свете нет.

И это звучит очень искренне и задушевно.

В стихотворении «Мимо» звучит мотив любви, который переходит в философское обобщение и звучит как исповедь. Здесь его лирический герой ощущает крах своих надежд на взаимность любви женщины:

Мимо, самообольщенье! Мимо!
Вижу все так ясно наяву:
Никогда я не найду любимой,
Никого своей не назову.

Поэт говорит о подлинных переживаниях лирического героя, о его надежде встретить настоящую любовь, он рассказывает о том, как надежда покидает и возвращается к нему, а потом все-таки обманывает, вызывая справедливый упрек в его душе:

Не имели права ожидания
Так всю жизнь обманывать меня.

И горький философский, неутешительный вывод
о трагическом одиночестве человека, о безнадежности
ожидания счастья:

Верить ли доньше слову ВЕРЬТЕ!?
Будет к солнцу в сумерках прогал?...
Или только для невесты - смерти
Я все силы сердца сберегал!?

Это подлинная поэзия, глубокое проникновение
во внутренний мир человеческой души. Здесь говорится
о роли судьбы в его жизни, и это по настоящему
трогает сердце читателя. Звучит щемяще нота тоски по
человеческому теплу, любви, которая приносит
истинное счастье.

В стихотворении «А.А. Ревезовой» любовный
мотив имеет иное направление. В этом произведении
поэт пишет о том, чем влечет к себе, приковывает
внимание лирического героя любимая женщина. Он
задает вопрос: «Хотите знать, чем вы богаты?». И тут
же отвечает: «Очей сверкающим агатом, отливом шел-
ковых волос». Далее перечисляет и другие черты,
которые привлекают его.

В стихотворении звучит живое чувство силы
мужской любви.

Заключительные строки говорят уже не о
внешних достоинствах женщины, а о внутренних
духовных ценностях:

И сердцем - самым драгоценным,

Заветным кладом для меня.

Правда, поэт до конца не раскрывает, в чем драгоценность сердца любимой женщины.

В творчестве Г. Ходакова по особенному выражены мотивы природы, которые наполняют человеческую душу живительной силой и красотой, помогают ему в трудную минуту. Не случайно поэт одушевляет природу, наделяя ее человеческими качествами, олицетворяя.

В стихотворении «Лесной хоровод» поэт олицетворяет березки, сосны, сравнивая их с девушками и парнями, которые в древние времена водили хороводы в лесу. Очень живописно поэт рисует девичьи наряды берез:

Под песни птиц и стройный рокот вод,
В сережках, сделав пышные прически,
Устроили весенний хоровод
В зеленых платьях белые березки.

Подчеркивая праздничность обстановки хоровода в весеннем лесу летом, автор любит угадывать увиденным:

Ряд бравых сосен здесь. Они свои.
В рубашках золотистых, легких к лету,
Ковер постлали плотный из хвои,
Чтоб по нему скользить, как по паркету.

Лес в весеннюю пору оживает под пером поэта. Это - «лесного мира торжество», т.е. праздник, который справляет природа, когда «весна пьянит, и все немного пьяны». Этот лесной мир очень похож на человеческий мир. Здесь все находится в праздничном единстве,

звучит многоголосым хором. Прекрасный сказочный образ весенней природы поэт несет в своих строчках:

На миг застыло все, и хор затих.
Но вот, кружась под музыку, белянки
С партнерами в рубашках золотых
Рассыпались попарно на полянке.

Но в последнем четверостишии лесной мир преобразается из старинного хоровода как бы в деревенское молодежное гуляние:

В зеленых ситцах девушки - подружки
Под шум весны, как под гармонь, поют
Веселые уральские частушки.

Удивительно тонко, поэтично передано состояние весеннего леса в этом стихотворении. К сожалению, стихов о природе у Г. Ходакова мало, хотя описание природы встречается в некоторых стихах для передачи настроения лирического героя и других персонажей его стихотворений.

Содержание

Предисловие.....	3
<i>Кондратьев О.А.</i>	
Георгий Яковлевич Ходаков – исследователь прошлого Ржевского района.....	4
<i>Строганов М.В.</i>	
Георгий Яковлевич Ходаков как краевед- пушкинсит.....	6
<i>Ходаков Ф.Г.</i>	
Педагогическая и общественная деятельность Г.Я. Ходакова.....	46
<i>Жиронкин В.М.</i>	
Союз трех муз – живопись, поэзия, музыка.....	73
<i>Гладковская Л.П.</i>	
Ровесник века.....	77
<i>Ходаков В.Г.</i>	
Литературно-поэтическое творчество Г.Я. Ходакова.....	82